

Межрегиональное бюро
судебных экспертиз
им. Сикорского

**ПРАКТИКА ПРИМЕНЕНИЯ ЗАКОНА
О ПРОТИВОДЕЙСТВИИ
ЭКСТРЕМИСТСКОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ**

Сборник материалов
научно-практической конференции
(28 января 2016 г., Москва)

Межрегиональное бюро
судебных экспертиз
им. Сикорского

ПРАКТИКА ПРИМЕНЕНИЯ ЗАКОНА О ПРОТИВОДЕЙСТВИИ ЭКСТРЕМИСТСКОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ

Сборник материалов
научно-практической конференции
(28 января 2016 г., Москва)

Москва, 2016

Под общей редакцией **Б.Н. Овечко**, заместителя генерального директора по научной деятельности ООО «Межрегионального бюро судебных экспертиз им. Сикорского», государственного советника юстиции 3 класса в отставке, федерального судьи в отставке.

Редакционная коллегия:

А.В. Метелёв, кандидат психологических наук, доцент, эксперт-психолог ООО «Межрегионального бюро судебных экспертиз им. Сикорского»;

А.И. Петренко, кандидат психологических наук, доцент, эксперт по вопросам психологической безопасности Международной конфедерации независимых экспертов;

А.А. Найда, юрист, Адвокатское бюро «Казачков и Партнёры».

Рецензенты:

В.В. Нахратов, кандидат юридических наук, доцент Финансового университета при Правительстве Российской Федерации, член Союза юристов Москвы;

В.С. Комаров, адвокат, кандидат юридических наук.

В сборник включены доклады и выступления участников научно-практической конференции «Практика применения Закона о противодействии экстремистской деятельности», состоявшейся 28.01.2016 при поддержке Межрегионального бюро судебных экспертиз имени Сикорского и Федерального агентства по делам национальностей, а также рекомендации, выработанные по результатам работы научно-практической конференции.

Для прокурорских работников, сотрудников Министерства внутренних дел Российской Федерации, научных и педагогических работников, аспирантов, соискателей, студентов юридических вузов, соискателей ученой степени и интересующихся областью применения антиэкстремистского законодательства в Российской Федерации.

**Федеральное агентство
по делам национальностей**

**ООО «Альфа-Медиатор»
Медиация • Право • Экспертиза**

**ООО «Межрегиональное
бюро судебных экспертиз
им. Сикорского»**

Оглавление

Введение	4
<i>А. А. Найда</i> , юрист, Адвокатское бюро «Казаков и Партиёры». Практические аспекты применения Закона о противодействии экстремистской деятельности. Религиозный экстремизм.	6
<i>А. В. Метелёв</i> , эксперт-психолог, кандидат психологических наук, доцент М.С. Белоковьяльский, адвокат. Проблемы производства судебных экспертиз по делам экстремистской направленности (юридический и психологический аспект)	13
<i>А. Р. Султанов</i> , адвокат, специалист по правам человека, член Ассоциации по улучшению жизни и образования, член редколлегии журнала «Вестник гражданского процесса». Признание религиозных книг экстремистскими посредством экспертиз	16
<i>А. И. Петренко</i> , эксперт-психолог, кандидат психологических наук, доцент. К вопросу об экспертных исследованиях материалов, содержащих признаки экстремизма	26
<i>В. В. Обрежа</i> , председатель Московского Общественного Совета Гражданского общества, доктор юридических наук. Правовая и политическая оценка «экстремистской деятельности»	31
<i>Ю. Л. Ершов</i> , адвокат, АБ «Славянский правовой центр», кандидат юридических наук. Экспертные заключения по делам об экстремизме	37
<i>А. М. Верховский</i> , аналитик, директор Информационно-аналитического центра «Сова». Пояснительная записка о возможных и необходимых изменениях в сфере антиэкстремистского законодательства	40
Резолюция научно-практической конференции «Практика применения закона о противодействии экстремистской деятельности» с рекомендациями	45

Введение

Инициатива Межрегионального бюро судебных экспертиз имени Сикорского организации и проведения научно-практической конференции, посвященной теоретическим недоработкам и практическим проблемам применения Федерального закона от 25.07.2002 № 114-ФЗ «О противодействии экстремистской деятельности» и некоторых других положений российского антиэкстремистского законодательства, связана с её актуальностью в современной правоохранительной практике и непосредственным влиянием её применения как на судьбы отдельных людей, так и всего российского общества в целом.

С одной стороны, наблюдается резкий рост уголовных, административных и гражданских дел, связанных с экстремизмом, и несомненная опасность данного явления как для России, так и для мирового сообщества, но опасность экстремизма как такового, то есть проявления крайних взглядов, непосредственно связанных с насилием или призывами к насилию в отношении личности, общества или государства. С другой – отсутствие общедоступного для простых граждан понимания разницы между свободным изложением собственного мнения по острым вопросам и экстремизмом. А это крайне важно.

В ходе конференции участниками обсуждались вопросы относительно того, необходимо ли регулировать содержание публичных выступлений и как это соотносится со свободой слова? Где и каким образом отразить четкое указание на признаки экстремизма, исключающие его расширительное толкование в зависимости от настроения правоприменителя? Где грань между гарантированным Конституцией правом каждого на свои убеждения и объективной стороной уголовно-наказуемого деяния? В чем причина повышения статистического уровня борьбы с экстремизмом и эффективны ли существующие меры реагирования? И насколько уместен в открытом доступе список запрещенных экстремистских материалов на интернет-ресурсе Министерства юстиции Российской Федерации?

Участники сошлись во мнении об отсутствии в Законе о противодействии экстремистской деятельности четких критериев квалификации экстремизма, экстремистской деятельности, публичной информации как экстремистской и других его основных понятий, что позволяет правоприменителям находить все новые признаки экстремизма; об отсутствии ограничения экстремистской деятельности от схожих с ней проявлений иной общественно-политической активности, которая не преследуется по закону, а составляет фактическую реализацию права на свободу мысли и слова, свободы выбора убеждений и вероисповедания, что приводит к сколь угодно расширительной трактовке экстремизма и неограниченному усмотрению в правоприменительной практике; о неясности порядка применения на практике специальных знаний в различных областях науки, техники, искусства, ремесла, что приводит к тому, что почти все дела данной категории разрешаются лишь на основе экспертиз, которые рассматриваются следователями, прокурорами и судами как единственно-возможное и единственно-правильное доказательство, предreshающее исход всего дела; о порочности подавляющего большинства экспертиз, которые стали обвинительным «оружием», с помощью которого экстремизм «достается» между строк.

Отлично представляя и во многом поддерживая всестороннюю критику тех или иных процессов, связанных с самим Законом о противодействии экстремистской деятельности и с практикой его применения правоохранительными органами, участники конференции значительно расширили свою задачу. Изложить не критику ради критики, а выработать конструктивные предложения по совершенствованию законода-

тельства в этой сфере, или прийти к выводу о необходимости разработки кардинально нового закона.

Полагаем, что изложенные в настоящем сборнике мнения и проведенный анализ судебной практики, способны стать началом новых исследований в области антиэкстремистского законодательства Российской Федерации, что в конечном итоге способствует его пониманию дедуктивным методом – от общего к частному, то есть необходимости рассмотрения и применения запретительных норм через призму всеобщего провозглашенного права человека и гражданина на свободу мысли и слова, его свободу в выборе убеждений и вероисповедания, которые являются определяющими для применения норм Закона о противодействии экстремисткой деятельности.

Практические аспекты применения Закона о противодействии экстремистской деятельности. Религиозный экстремизм

Федерального закон от 25.07.2002 № 114-ФЗ «О противодействии экстремистской деятельности» считается стержневым, системообразующим актом, вокруг которого сформирован весь массив российского антиэкстремистского законодательства.

Сама идея такого закона действительно хорошая, нужная. Все мы хотим жить с уверенностью, что наше государство нас защищает. И права и свободы некоторых лиц действительно необходимо ограничивать, чтобы они не нарушали права и свободы других лиц, общества и государства, стабильность и спокойствие в обществе, что, безусловно, и, возможно в первую очередь, касается экстремизма, как общественно опасного явления.

Но сам Закон как механизм защиты и профилактики, как механизм регулирования и пресечения в том виде, в котором он действует с момента его принятия – бесполезный и непригодный к использованию.

Само понятие «экстремизм», которое Закон в статье 1 вводит в юриспруденцию, он не определяет: не выделены характерные признаки экстремизма, не раскрыта сущность данного социального явления, а лишь перечислены его формы. Иначе говоря, понятие «экстремизм» закон диктует через перечень экстремистских действий и уравнивает его с понятием «экстремистская деятельность».

Однако дробление и конкретизация списка экстремистских действий должно иметь место как дополнение, как практическая составляющая целостного общего понятия того, что по сути является экстремизмом, которого в законе нет. Это не что иное как недостаток юридической техники. И недостаток существенный, так как сейчас на практике каждый по своему понимает экстремизм и каждый по своему усматривает его в словах и действиях других лиц, все чаще и порой необоснованно привлекая последних к ответственности.

Отсутствие четких критериев квалификации экстремистской деятельности, публичной информации как экстремистской, позволяет правоприменителям находить все новые признаки экстремизма, увеличивая количество возбужденных и рассмотренных дел, из-за которых искусственно завьшается статистика, создавая иллюзию повышения уровня борьбы с экстремизмом в стране.

Экстремистская деятельность не отграничена от схожих с ней проявлений иной общественно-политической активности в виде полемики, дискуссии и т. д., которые не преследуются по закону, а составляют фактически часть демократии и свободы слова, свободы выбора убеждений и вероисповедания.

Не определены и не отграничены в Законе также и другие ключевые понятия: «экстремистская деятельность», «экстремистская организация», «экстремистские материалы», «атрибутика или символика, сходные с нацистской атрибутикой или символикой до степени смешения», «вражда», «пропаганда», «социальная группа» и т. д.

Все это приводит к расширительной трактовке экстремизма, что недопустимо, иначе противодействие экстремизму превратится в подавление инакомыслия, будь то в политической или религиозной или любой другой сфере человеческой жизни.

Нормы Закона должны быть определенными, ясными, недвусмысленными, поскольку иное не может обеспечить его единообразное применение, не исключает неограниченное усмотрение в правоприменительной практике и, следовательно, неизбежно ведет к произволу на местах.

Кроме доработки понятийного аппарата, дефинитивных норм Закона, следовало бы более подробно раскрыть тему приоритета профилактических мер противодействия экстремизму. Сейчас она только вскользь упоминается в его статьях 2 и 5. Отсутствие конкретики в этом направлении придает Закону незаконченный, не системный характер. Например, закрепить обязанность образовательных учреждений основывать свою деятельность на принципах уважительного отношения к представителям всех рас, национальностей, религий, социальных групп, ведь они являются важнейшими субъектами противодействия экстремизму. Именно здесь закладываются основы отношения человека к человеку, к окружающему его миру, формируется уважение к себе, к другим, к закону и государству.

Ошибки в Законе очевидны не только нам, но и надгосударственным международным органам, осуществляющим контроль за соблюдением прав человека. Комитет по правам человека ООН¹, Венецианская комиссия² – все, начиная с 2003 года, неоднократно делали российским властям замечания о том, что рекомендуется пересмотреть указанный закон с целью большей конкретизации ключевых понятий, чтобы исключить любую возможность произвольного толкования и применения. Указывалось, что деятельность, чтобы попасть под определение экстремистской, должна быть «связанной с насилием или призывами к насилию»... для того, чтобы «возбуждение социальной, расовой, национальной или религиозной розни» считалось «экстремистской деятельностью», в определении должен явно упоминаться элемент насилия³, чего в нашем Законе нет. Отмечалось и много других недостатков, например, нечеткость понятия «экстремистская деятельность», которую необходимо устраним⁴.

Внутри страны активно держит слово критики в адрес Закона Уполномоченный по правам человека в РФ, не так давно стал высказываться и Президент РФ.

Но я бы хотела остановиться именно на практических недостатках и возникающих в связи с ними проблемах при применении Закона о противодействии экстремистской деятельности.

Неопределенность понятий в Законе, их неясность на практике приводит к тому, что почти все дела по данной категории дел разрешаются лишь на основе экспертиз. Экспертизы рассматриваются судами как единственно-возможное и единственно-правильное доказательство, предрешающее исход всего дела.

¹ The Human Rights Committee / Комитет по правам человека ООН – орган независимых экспертов, наблюдающих за выполнением государствами-участниками Международного пакта о гражданских и политических правах.

² The European Commission for Democracy through Law / Европейская комиссия за демократию через право – консультативный орган Совета Европы по конституционным вопросам.

³ Европейская комиссия за демократию через право, Заключение №660/2011 по поводу Федерального закона «О противодействии экстремистской деятельности», принятое на 91-1 пленарной сессии 15-16 июня 2012 г., пункты 35 и 36.

⁴ Комитет по правам человека, общий комментарий № 22 «Свобода мысли, совести и религии», Документы ООН CCPR/C/21/Rev. 1/Add. 4, 30 июля 1993 г., пункт 3.

Часто, к сожалению, это доходит до абсурда: в одном деле, получив экспертное заключение о наличии в действиях, высказываниях, печатных, видео или иных материалах, суд не дает заинтересованным лицам назначить повторную или дополнительную экспертизу, а в другом – получив заключение эксперта об обратном, назначает столько экспертиз, пока она не будет «положительной», то есть нашедшей признаки экстремизма.

Судами допускается множество процессуальных нарушений: начиная с порядка назначения экспертизы, определения ее вида, заканчивая, постановкой правовых по сути вопросов. Порой экспертов просто используют как инструмент получения «обвинительных» доказательств. В частности, задавая эксперту прямой вопрос: «содержат ли текст, (видеоматериал и т. д.) признаки экстремизма?», что определенно недопустимо, так как правовая оценка является частью отправления правосудия, а правосудие в России отправляется только судом.

Суды намеренно или случайно, но подменяют свою обязанность разрешения дела экспертными исследованиями: как эксперт скажет, так с вероятностью в 80-90% дело и разрешится. Такое «делегирование» полномочий судами допускается повсеместно.

Между тем, функция эксперта (консультанта) – в предварительной оценке, допустим, наличия в конкретной информации отрицательных и оскорбительных характеристик нации, расы, религии, негативных установок и подстрекательства к враждебным действиям против какой-либо этнической, расовой или религиозной группы⁵.

Но, с другой стороны, можем ли мы их в этом обвинять, если законодатель сам допустил такое положение вещей, когда без экспертов суды не в состоянии применить положения Закона о противодействии экстремистской деятельности, а значит, понять, является ли действие экстремистским или нет?

«Речевой» экстремизм, как правило, очевиден, выражается в простой, явной и общедоступной форме. Если он «достаётся» между строк – это повод задуматься суду, что его нет.

Экстремизм, если он имеет целью, например, побуждение или подстрекательство, должен порождать ответную реакцию или какой-то результат. То есть он должен быть понятным, по крайней мере, своей целевой группе – обычным гражданам, объединенным каким-то признаком. Следовательно, такой призыв сотрудники правоохранительных органов могут понять и сами, а если не могут, значит, этот призыв заведомо неэффективен, и следовательно, не представляет общественной опасности, и скрытые для обычных граждан смыслы, которые найдут эксперты, не имеют значения для дела.

Уполномоченный по правам человека в своем докладе за 2008 год также отмечал, что роль экспертизы в делах об экстремизме неоправданно преувеличена, и указывал, что это «чревато недопустимым распылением ответственности за принимаемые судебные решения. Суды по инерции все больше «привыкают» принимать в качестве доказательств заключения экспертов, содержащие оценку фактических обстоятельств, в том числе констатацию наличия (отсутствия) признаков преступлений экстремистской направленности. В результате судья, несущий полную ответственность за судебное решение, как бы «перекладывает» ее на плечи эксперта. А тот отвечает только за свои выводы, но никак не за судебное решение... На рассмотрение эксперта не могут, естественно, выноситься вопросы правового характера, как то о наличии признаков экстремистской

⁵ Рекомендации об использовании специальных познаний по делам и материалам о возбуждении национальной, расовой или религиозной вражды, утвержденные заместителем Генерального прокурора РФ М.Б. Катышевым 29.06.1999 № 27-19-99.

деятельности, а равно вопросы, предполагающие прогноз потенциально возможной реакции общества. Судам необходимо исходить из того, что в преступлениях экстремистской направленности призывы к осуществлению экстремистской деятельности, возбуждение ненависти или вражды, унижение достоинства совершаются не только публично либо с использованием СМИ, но и в явной, общедоступной форме. Если без специальных познаний установить наличие призыва к ненависти невозможно, то это важное обстоятельство необходимо, видимо, толковать в пользу подсудимого: ведь такой сложный, недоступный для массового восприятия призыв, по логике вещей, не может быть адресован неопределенному количеству лиц. Правовая определенность ограничения свободы мысли и слова предполагает, что каждый человек, действующий с достаточной степенью осведомленности и осмоторительности, должен иметь возможность предвидеть правовые последствия своих действий и слов⁶.

Между тем, речь не идет о том, чтобы экспертизы в подобных делах вовсе не было. Экспертиза в таких дела бывает действительно нужна, но там, где следователю или судье не хватает экспертного (узкоспециального) знания, где используется специфический понятийный аппарат. Но привлекаемый эксперт должен быть не просто специалистом того или иного профиля, а специалистом по данной конкретной религии, учению, иногда даже периоду истории и т. д. К сожалению, на практике такие узкие специалисты привлекаются крайне редко просто потому, что отдельных общеобязательных требований для подбора экспертов по экстремистским делам не существует.

В итоге, на практике обстоятельства наличия экстремистской направленности материалов часто устанавливаются дилетантами. Их «экспертные» исследования не содержат самой исследовательской части, при их проведении не применяются выработанные методики исследования, а выводы от дела к делу носят все более абсурдный характер.

Например, в деле о признании экстремистскими материалами и запрете книг «Славяно-Арийские Веды»⁷ экспертами изобретена конфессия «иудаисты». В другом деле, возбужденном против доктора социологических наук, президента Общества русской культуры (ОРК) Татарстана Александра Салагаева⁸, экспертами изобретена национальность – «мигранты», его обвиняли по ст. 282 УК РФ за фразу «миллионы нелегальных мигрантов, наводнивших нашу страну, являются мощным криминогенным фактором».

Еще в одном деле⁹ по заявлению прокуратуры судом был заблокирован сайт из-за статьи кулинарного рецепта кексов с заголовком «Методики изготовления бомб в домашних условиях. Безоболочные бомбы». Причем, судя по списку экстремистских материалов, размещенному на сайте Минюста России, сайт запретили два раза (номер 2231 и 2301 в реестре Минюста РФ¹⁰).

⁶ «Закон сильнее власти», доклад Уполномоченного по правам человека в Российской Федерации за 2008 год, Москва, 17 февраля 2009 г.

⁷ Центральный районный суд г. Омска, федеральный судья И.И. Соснин, дело № 2-561/2015 по заявлению прокурора Омской области о признании книг «Славяно-Арийские Веды» издательства ООО «Родович» экстремистскими материалами, включении их в список экстремистской литературы.

⁸ Вахитовский районный суд г. Казани, дело по заявлению Салагаева А.Л. к АНО «Казанский межрегиональный центр экспертиз» о признании выводов специалиста необоснованными.

⁹ Советский районный суд Ставропольского края, решение от 05 февраля 2014 г.

¹⁰ Федеральный список экстремистских материалов Министерства юстиции РФ, URL: <http://minjust.ru/ru/extremist-materials>

Здесь сразу открывается 2 следующие проблемы.

Первая. Это происходит потому, что ни прокурор, ни суд не читают и не смотрят, что запрещают.

Например, все в том же деле о запрете Славяно-Арийских Вед, судья, дабы не читать (процессуально – оглашать) в судебном заседании сами книги, которые являлись одновременно и объектом рассмотрения дела и основными письменными доказательствами, решил исследовать их как вещественные доказательства, как будто по итогам дела запрещены будут не тексты, а книги как вещь, и только обозрел их реквизиты. Отвод суду по признаку необъективности в рассмотрении дела и указание на необходимость суду непосредственно исследовать доказательства роли не сыграли. Решение по факту принято не на внутреннем убеждении судьи, которое не могло сложиться без непосредственно изучения спорного материала, а на основании одной лишь экспертизы.

Вторая проблема заключается в том, что большая часть дел рассматривается без участия ответчика, «по тихому». Процессуально это называется особым производством, то есть производством по ГПК РФ, в котором отсутствует спор о праве, а лишь устанавливается наличие факта (применительно к Закону о противодействии экстремистской деятельности – наличие в книгах факта экстремизма). Особый порядок не предполагает ответчика, а заинтересованных лиц не всегда можно установить. И лица, действительно заинтересованные в исходе дела (например, издательство или автор, чьи идеи запретили) узнают об этом только *post factum*, когда их материалы уже попадают в список запрещенных.

Это происходит потому, что в Законе о противодействии экстремизму не установлен процессуальный порядок рассмотрения дел данной категории. Однако это представляется в корне не правильным, так как признание материалов экстремистскими это всегда спор о праве, поскольку решение суда об удовлетворении требований прокурора одновременно является запретом на их изготовление, распространение и хранение, а автор становится лицом, занимавшимся экстремистской деятельностью. Следовательно, это спор об ограничении свободы мысли и слова, на свободу распространения информации.

Возвращаясь к так называемому «религиозному экстремизму». Эта проблема стала актуальной в свете принятия 23 ноября 2015 г. Федерального закона от 23 ноября 2015 г. № 314-ФЗ «О внесении изменения в Федеральный закон «О противодействии экстремистской деятельности» о внесении в Закон о противодействии экстремистской деятельности статьи 3.1 о запрете на признание экстремистскими священных писаний четырех религий.

При принятии поправок достигнут полный консенсус в Государственной Думе, полный консенсус между главами всех религиозных конфессий. Но что по сути такое этот закон? Во-первых, этот закон не способен решить проблем, сложившихся вокруг практики запрета в России религиозных текстов – существует, например, несколько переводов той же самой Библии, не считая разъяснительных текстов ее понимания, или Библии с комментариями. Во-вторых, по сути это еще один акт подчеркивания со стороны государства неравенства, дискриминации к россиянам, исповедующим другие религии или не исповедующим никакой.

Суть президентского закона сводится всего к одной фразе: «Библия, Коран, Танах и Ганджур, их содержание и цитаты из них не могут быть признаны экстремистскими материалами». Другими словами, он защищает христианство, ислам, буддизм и иудаизм, ссылаясь на Закон о свободе совести и о религиозных объединениях¹¹, который, кстати, не ограничивается ими, как указано в пояснительной записке. Напротив,

¹¹ Федеральный закон от 26.09.1997 № 125-ФЗ «О свободе совести и о религиозных объединениях».

он говорит: «...уважая христианство, ислам, буддизм, иудаизм и другие религии, составляющие неотъемлемую часть исторического наследия народов России...». К тому же, к слову, напомним, что Конституцией РФ признано равенство всех религиозных объединений перед законом и не одна из религий не является государственной или обязательной, то есть более признанной, чем другие¹².

Получается, что все прочие религиозные тексты, включая древние и авторитетные, в России никак не защищены от запретов за экстремизм просто потому, что не обладают широкой известностью. И их действительно запрещают – сотнями. Пока в законе об экстремизме существует абсурдная формулировка, позволяющая подводить «пропаганду превосходства собственной религии» – т.е. фактически любую проповедь – под определение экстремистской деятельности, абсурдные запреты будут практиковаться. И верующих будут продолжать преследовать за распространение неправомерно запрещенной литературы.

Одно из, пожалуй, самых показательных дел среди дел по так называемому «религиозному экстремизму» – попытка запретить книгу «Бхагавад-Гита как она есть», русскоязычной версии комментированного перевода священного индуистского текста «Бхагавад-Гита»¹³. Ленинский районный суд г. Томска, изучив представленные прокуратурой заключение лингвистической экспертизы, которым были усмотрены в книге признаки разжигания религиозной ненависти, унижения достоинства человека по признакам пола, расы, национальности, языка, происхождения, отношения к религии, не только отказал в признании текста экстремистской литературой, но и разъяснил понятие «экстремизм»: суд указал на то, что обязательным условием экстремизма является призыв к осуществлению этой деятельности, причем «эти призывы должны быть выражены каким-либо действием». Прокурор заявила, что между тем, в РФ запрещена любая пропаганда, возбуждающая какую-либо ненависть.

Решение районного суда по «Бхагавад-Гита как она есть» об отказе в признании ее экстремистским материалом и внесении в список запрещенной литературы суд апелляционной инстанции поддержал. Однако необходимо отметить, что судебные акты были обоснованы в основном не российском законодательстве, а на положениях Европейской конвенции о защите прав человека и основных свобод и практике Европейского суда по правам человека. Факт прямого обращения российских судов к международно-правовым актам, а не к российскому законодательству, свидетельствует о слабости последнего. Если суд обратился к международному праву, значит, он не смог найти в отечественном законе необходимой степени конкретики и ясности.

Однако в основной массе религиозные тексты судами запрещаются. Вспомнить только последний громкий случай о признании книги «Мольба (дуа) к Богу: ее значение и место в Исламе» экстремистской, решение по которой по известным, скорее политическим, причинам, все-таки было отменено вышестоящим судом¹⁴.

Для правильного применения Закона о противодействии экстремизму, для того, чтобы он работал, должны быть созданы условия. Часто такие условия в российской практике достигаются опосредованно – с помощью толкования законодательных норм, разъяснений высшими органами судебной власти, рекомендаций, формирова-

¹² Конституция Российской Федерации, статья 14.

¹³ Ленинский районный суд г. Томска, дело № 2-1641/2011 по заявлению прокурора г. Томска о признании книги «Бхагавад-Гита как она есть» экстремистским материалом.

¹⁴ Южно-Сахалинский городской суд, дело по заявлению прокурора г. Южно-Сахалинск о признании книги «Мольба к Богу: ее значение и место в Исламе» экстремистским материалом.

ния единообразной судебной практики. Однако относительно рассматриваемого закона даже разъяснений нет решительно никаких, кроме Рекомендаций об использовании специальных познаний по делам и материалам о возбуждении национальной, расовой или религиозной вражды, утвержденных зам. Генерального прокурора РФ М.Б.Катышевым 29.06.1999 № 27-19-99 и Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 28.06.2011 № 11 о разъяснении норм Уголовного кодекса РФ, касающихся преступлений экстремистской направленности. Между тем, практике применения Закона о противодействии экстремистской деятельности – 14 лет.

Здесь нужно отдать должное Роскомнадзору, который в апреле 2015 г. сделал официальное заявление о своей правовой позиции в отношении значения пропаганды и публичного демонстрирования нацистской атрибутики и символики: обратил внимание на то, что не случайно законодатели использовали для связки понятий «пропаганда» и «публичное демонстрирование» соединительный союз «и». То есть понятия не просто перечисляются, они грамматически соединены между собой. Порядок их употребления таков, что термин «пропаганда» находится в сильной, приоритетной позиции по отношению к термину «публичное демонстрирование», а также пояснил разницу, что «само по себе публичное демонстрирование нацистской атрибутики или символики без целей пропаганды не является проявлением экстремизма», использование нацистской и сходной с ней до смешения атрибутики/символики в исторических, научных и т.п. целях признается допустимым¹⁵.

Из-за грубо сконструированного закона, получаем удивительные судебные решения, пополняющие и без того уже длинный список экстремистских материалов. На данный момент в «черном списке» почти 3 500 позиций.

При этом, как видно из текста Закона о противодействии экстремизму, он носит изначально «карательный» характер законодательного регулирования, 13 из 18-ти его статей запрещает, не допускает, возлагает ответственность, при этом не содержит конкретных способов профилактических мер воздействия, провозглашая такую обязанность только декларативно, не поясняет приемов выявления потенциальной «группы риска», а действует по принципу реагирования. Порождая тем самым, как уже было сказано выше, правоприменительный произвол, когда определение признаков экстремизма в той или иной деятельности, в том или ином высказывании, фильме, книге – отдается на усмотрение каждого конкретного прокурора, следователя или судьи, которые за крайне редким исключением признают экстремистским всё. Видимо, «на всякий случай».

Такой подход влияет на сами настроения в обществе. Находясь под прессом такого тяжелого закона, в российском обществе и за его пределами складывается устойчивое мнение, что экстремизм в России (или русский экстремизм) это правило, проблема, угроза и беда: все – потенциальные экстремисты, которых нужно только выявить и наказать.

Полагаю, нужно поменять направление Закона – сделать его, прежде всего, выражающим уважение и защиту национальных интересов. Подчеркивая многонациональность России декларировать через него поддержку национальной целостности, а не разобщенности, с привлечением к ответственности тех, кто эту целостность нарушает. Подчеркивая значимость каждой религии, вне зависимости от того, широко ли она известна, а не подчеркивать избранность, поименно выделяя «неприкосновенные» религии.

Другими словами сделать его таким, чтобы всем было ясно – экстремизм в российском обществе это исключение, а не правило.

¹⁵ Официальный сайт Федеральной службы по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций, URL: <http://rkn.gov.ru/news/rsoc/news31736.htm>

*А. В. Метелёв,
эксперт-психолог,
кандидат психологических наук, доцент
М. С. Белоковылский, адвокат*

Проблемы производства судебных экспертиз по делам экстремистской направленности (юридический и психологический аспект)

Мы хотели бы обратить внимание на актуальные проблемы связанные с юридико-психологической оценкой материалов экспертной и судебной практики по преступлениям связанным с экстремизмом.

Актуальность тематики конференции не вызывает сомнения.

Анализ практики уголовных дел по обвинению по ст. 282 УК РФ «Возбуждение ненависти либо вражды, а равно унижение человеческого достоинства» свидетельствует о серьезных проблемах, как законодательного регулирования данного состава преступления, так и правоприменения. В частности, в вопросах назначения и производства судебных экспертиз, направленных на установление вопроса о том, является ли содержание распространённой информации, экстремистским. Что, с нашей точки зрения предьявляет к заключению эксперта повышенные требования к качеству его производства. При этом заключение судебного эксперта становится едва ли не ключевым источником информации, на основе которого процессуальные лица разграничивают экстремизм преступный от непроступного, либо определяют уровень или меру толерантности, терпимости, социальной напряженности и агрессивности различных социальных групп, которых по своему духу закон защищает.

Первая проблема заключается в том, что Федеральный закон от 25.07.2002 № 114-ФЗ «О противодействии экстремистской деятельности» в его действующей редакции дает простор расширенному пониманию и толкованию, как юристами, так и судебными экспертами, понятия экстремизма, экстремистской деятельности и экстремистских материалов. Иными словами, при наличии желания, сознательно либо ошибочно, правоприменитель легко может трактовать как экстремистские любые проявления социальной критики, т.е. института *conditio sine qua non*¹⁶ современное демократическое государство.

Правоприменительная практика так сложилась, что заключения судебных экспертиз широко применяются по всем преступлениям экстремистского содержания, предусмотренным ст. ст. 280, 282, 282.1, 282.2 УК РФ. Отсюда возникает вторая проблема – в отсутствии единой, научно-обоснованной методики проведения экспертиз по уголовным делам экстремистской направленности. Вследствие чего обостряется опасность субъективизма экспертов, допускающих при этом ошибки, приводящие в результате к исключению материалов экспертиз из доказательной базы уголовного дела, либо, что еще хуже – к «объективному и субъективному вменению».

Объективное вменение – это привлечение лица к уголовной ответственности без установления его вины. Объективное вменение может заключаться как в привле-

¹⁶ В пер. с лат.: Условие, без которого не может существовать. Необходимое условие.

чении к уголовной ответственности за случайные (не поддающиеся прогнозу) юридические последствия действий человека; так и в привлечении к ответственности лиц, действия которых вообще не состоят в причинной связи с причинённым вредом, но наказание, которых по каким-либо причинам представляется необходимым в силу определенных обстоятельств, как правило, политически и идеологически ангажированных лиц в силу разнородности и несовершенства закона.

Действующий Уголовный кодекс РФ в ч. 2 ст. 5 прямо запрещает объективное вменение. Однако в юридической практике реализации ФЗ-114 и, вышеупомянутых статей УК РФ в отдельных случаях лицо привлекается к ответственности без учёта его субъективного отношения к отдельным признакам состава преступления.

Приведу пример из практики одного из судов г. Ижевска Удмуртской Республики. Один из материалов, размещенных обвиняемым на своем Интернет-ресурсе, содержал графическое изображение военнослужащих, одетых в форму русской армии начала XX в. Один из них прицеливался или стрелял из пулемета. Подпись под картинкой гласила: «Синагога, синагога, а у нас патронов много».

На вопрос защитника, почему, по мнению эксперта, данное изображение имеет антисемитскую направленность, эксперт-психолог ответил, что представленный материал содержит изображение солдат Белой армии, а Белая армия уничтожала евреев. На дальнейшие вопросы защитника, пытавшегося выяснить, почему эксперт полагает, что изображенные военнослужащие, по мнению эксперта, принадлежат к Белой армии (а, к примеру, не к русской армии периода первой мировой войны), и на основании каких данных эксперт делает вывод о том, что Белая армия уничтожала евреев, эксперт ответил лишь в том смысле, что это общеизвестный факт.¹⁷ То есть эксперт, делает вывод исходя не из результатов проведенного им исследования, а из специальных знаний которые он должен был продемонстрировать в своем исследовании, а на основе умозрительного суждения, не относящегося к предмету экспертного исследования носящего, к тому же, бездоказательный, и не научный характер.

Третья проблема заключается в том, то сложившаяся следственная и судебная практика, как правило, игнорирует доказывание субъективного элемента состава преступления, а именно, вину в форме умысла, предполагая ее очевидной.

Между тем, пользователь интернета размещая на своей страничке в Интернете или на Интернет-форумах репост того или иного демотиватора, лозунга, плаката, отнюдь не имеет своей целью «возбуждение ненависти либо вражды, а также умысел на унижение достоинства человека либо группы лиц по признакам пола, расы, национальности, языка, происхождения, отношения к религии, а равно принадлежности к какой-либо социальной группе», как гласит диспозиция статьи 282 УК РФ. Как правило, такого пользователя интернета привлекает сама форма информационного сообщения, содержащейся в ней юмор (пусть и достаточно примитивный), иронию, сарказм, эпатаж, парадокс, вызов привычным стереотипам и т.д.

В качестве примера приведем письмо молодого человека задавшего вопрос на портале одной из юридических консультаций: «Разместил на развлекательном портале в комментариях к посту не имеющему отношения к экстремизму картинку (скопированную с другого сайта, на картинке имеется логотип этого сайта). Кто-то написал заявление по статье 282 УК РФ, эксперт признал, что картинка является экстремистской, возбудили дело по статье 282 УК РФ. Два раза вызывали на опрос в разные след-

¹⁷ Уголовное дело по обвинению Ф. в совершении преступления, предусмотренного ч. 1 ст. 286 УК РФ// Архив Индустриального суда г. Ижевска за 2015 г.

ственные комитеты, объяснил, что выложил с целью стеба, а не с целью разжигания межнациональной розни (никогда не занимался деятельностью направленной на разжигание межнациональной розни). Ответ юридической клиники: «Можно быть уверенным, если дело экстремистской направленности передано в суд, обязательно следует обвинительный приговор.

Еще одна проблема заключается в том, что с точки зрения Закона 114-ФЗ в его действующей редакции важны не индивидуально-психологические особенности личности и истинные мотивы размещения указанной картинки, а сам факт размещения как таковой. Достаточно самого факта включения того или иного произведения в список экстремистских материалов, регулярно официально публикуемый. Основанием для внесения в список данных материалов являются решения судов, вступившие в законную силу и, в соответствии со ст. 90 УПК РФ, преюдициальные для уголовного судопроизводства.

Непрофессионализм отдельных экспертов в широкой трактовке «материалов экстремистской направленности» доходит до того, что в число экстремистских материалов, по сути, попадают все этнические анекдоты. Шутки шутками, но за опубликование безобидного анекдота про чукчу на своей страничке в Интернете можно получить судимость.

Полагаем, что такого рода борьба с экстремизмом не только абсурдна, но и вредна, т.к. дискредитирует саму цель запрета, установленного ст. 282 УК РФ. Известно, что этнические взаимоотношения, более, чем просто социальные взаимоотношения, конфликтогенны. Вывод конфликта в вербальное пространство, сферу юмора (в котором а priori имеет место снижение (но не унижение) значимости Этнически Другого путем перевода этнических страхов в сферу юмора конфликтогенность, межэтнических конфликтов, если не устраняется, то существенно понижается. Загоняя же распространение этнических анекдотов в сферу уголовно-наказуемых деяний, мы не только не снижаем опасность этнических конфликтов, но усиливаем их потенциал.

Представляется, что судебная психологическая экспертиза, которая сейчас проводится практически по всем делам данной категории, должна иметь своим объектом не только размещенный информационный объект (какие-либо материалы), но и личность подозреваемого, обвиняемого. Тем более, что объектом исследования являются не только анализируемые тексты, но и материалы уголовного дела, где должна содержаться информация, всесторонне характеризующая личность обвиняемого, в том числе и материалы оперативно-розыскной деятельности. Экспертная практика показывает, что таких материалов в уголовных делах просто нет, потому, что данный человек никогда не занимался экстремистской деятельностью, не состоит ни в каких организациях, ведет абсолютно законопослушный образ жизни.

Лишь доказанное наличие у него экстремистских убеждений и установок, осознание экстремистской, антигуманной сущности размещенных материалов и последствий такого размещения в виде распространения среди посетителей соответствующего Интернет-ресурса соответствующей идеологии позволит сделать вывод о наличии у подозреваемого (обвиняемого) вины в форме умысла (прямого или косвенного).

В этой связи возникает вопрос оправданности регулирования деликтов, предусмотренных ст. 282 УК РФ, уголовно-правовыми методами.

Известно, что состав «экстремистского» преступления является формальным¹⁸, т.е. преступление считается оконченным независимо от наступления общественно

¹⁸ Как известно, формальные составы правонарушений – характерная черта именно административных правонарушений, а не преступлений.

опасных последствий. В большей степени это относится к «материалам экстремисткой направленности».

По нашему мнению, целесообразно, по крайней мере, часть 1 ст. 282 УК РФ, перевести из разряда уголовных преступлений в разряд административных правонарушений. И это тем более справедливо, что вина лица, разместившего репост или «сомнительный материал», как мы указывали выше, который впоследствии был признан экстремистским будет, по сути, минимальна.

Озвученное Президентом РФ В.В. Путиным предложение о декриминализации ряда составов преступлений и перевод их в разряд административно-правовых деликтов, на наш взгляд, должно охватывать и часть 1 ст. 282 УК РФ.

Административно-правовая профилактика таких лиц, как альтернатива уголовному преследованию, позволит избежать необоснованного осуждения, неоправданного карательного эффекта государства, снижать уровень социальной напряженности и маргинализации населения, препятствовать формированию ксенофобических установок и неизбежной криминализации личности в результате необоснованного и несоразмерного применения уголовной репрессии и связанные с осуждением ограничения личности.

*А. Р. Султанов,
адвокат, специалист по правам человека,
член Ассоциации по улучшению
жизни и образования, член редколлегии
журнала «Вестник гражданского процесса»*

Признание религиозных книг экстремистскими посредством экспертиз

Сам факт того, что большое количество религиозной литературы различных конфессий находится в федеральном списке экстремистских материалов, делает данное исследование актуальным. Не секрет, что, как правило, основанием для признания информационных материалов экстремистскими является представленное прокуратурой заключение «экспертов» или «специалистов» о том, что информационные материалы являются экстремистскими.

То есть, в большинстве случаев суд получает уже готовую «экспертизу», проведенную во внесудебном порядке. Безусловно, такая «экспертиза» в гражданском деле не может признаваться экспертизой, поскольку она не назначалась в ходе судебного процесса с предоставлением всех процессуальных прав (права на отвод, предоставление кандидатур для проведения экспертизы, постановки вопросов, замечаний и т.д.), заинтересованной стороне. Однако, существующая практика показывает, что суды зачастую принимают такие заключения в качестве доказательств и причем иногда в качестве единственных.

Генеральная прокуратура РФ ориентировала органы прокуратуры «при выявлении информационных материалов экстремистского характера обеспечивать проведение соответствующих исследований и судебных экспертиз... При наличии положительных экспертных заключений своевременно решать вопрос о направлении в суды заявлений об установлении наличия в информационных материалах признаков экстремизма и признании их экстремистскими»¹⁹. Но на практике складывается впечатление, что выявление информационных материалов экстремистскими заключается в получении «экспертиз», в которых утверждается, что информационные материалы являются экстремистскими. Возможно, данное предположение ошибочно, но оно основано лишь на том факте, что в целом ряде случаев сотрудники прокуратуры, поддерживая свое обвинение о том, что литература является экстремистской, были незнакомы с содержанием литературы, а ссылались лишь на заключение «экспертов».

Причем порой, сотрудники прокуратуры полагали, что «ознакомление с экстремистской литературой» не входит в их обязанности, что стороне не удастся заставить его читать экстремистскую литературу... В одном судебном заседании представитель Министерства Юстиции РФ назвал требование представителя заинтересованного лица об исследовании текста книги попыткой распространения экстремистской лите-

¹⁹ Приказ Генеральной прокуратуры РФ от 19 ноября 2009 г. № 362 «Об организации прокурорского надзора за исполнением законодательства о противодействии экстремистской деятельности».

Официально не опубликовано, цитируется по тексту, размещенному в СПС Гарант-Максимум.

ратуры... Иначе, как «удивительным» упорством в нежелании составлять собственное мнение эту ситуацию трудно назвать. Сама эта ситуация является очень странной. Ранее столкнувшись с тем что порой судьи выносят судебные акты, так и не прочитав книг, которые они признают экстремистскими, мы предположили, что возможно, испытывая внутреннее несогласие с необходимостью толковать книги, а не факты, некоторые судьи стали прикрываться экспертными заключениями²⁰.

Данное предположение, нам казалось достаточным, чтобы понять судей. Хотя, ряд коллег высказали, что данное суждение слишком великодушно, мы исходили из того, что человек всегда осознает, что правильно, а что неправильно, и лишь иногда он не желает знать правды и ищет оправдание этому.

К сожалению, наш опыт и опыт коллег при рассмотрении споров о признании религиозной литературы экстремистской показал, что причина постановления судьей судебного решения без собственного правового анализа литературы может быть и другой – наличием предубеждения судьи...

Данное предположение с очевидностью следовало из поведения некоторых судей. Причем, на наш взгляд, предубеждение иногда имело место не по отношению конкретно к той или иной религиозной литературе, а вообще по отношению к религии...

Давным давно, Лукиан²¹ писал: «Вообще клеветники изобретают и распространяют такие вещи, которые, как им известно, способны вызывать в слушателе наибольший гнев; узнав уязвимое место каждого, клеветники в него-то и направляют свои стрелы, в него и мечут дротики, чтобы человек мгновенно возмущенный гневом, был уже недоступен исследованию истины. И если бы иной подвергшийся клевете и пожелал бы оправдаться, он не получает к тому возможности, ибо нелепый слух, как мнимая истина, уже захватил его»²².

Причем многие из этих «стрел» были выпущены, уже давно – многие из правоприменителей сформировали свое правосознание еще в советское время, где отношение к религии формировалось на основе фразы «религия – опиум для народа».

Эта фраза, широко использовавшаяся в идеологической обработке будущих юристов, впрочем, не только юристов, до настоящего времени осталась для некоторых фундаментом отношения к религии. Имея такое отношение к религии вообще, судье, безусловно, будет трудно «преодолеть себя» и сформировать объективное суждение относительно религиозной литературы, конечно же, ему будет проще прикрыться наличием уже сделанной кем-то экспертизы.

Однако, фраза – «религия – это опиум для народа» всего лишь, фраза, вырванная из контекста.

Полная цитата Карла Маркса: «Религия – это вздох угнетенной твари, сердце бессердечного мира, подобно тому, как она – дух бездушных порядков. Религия есть опиум народа»²³.

²⁰ Султанов А.Р. Европейские правовые стандарты: уроки истории и правоприменительная практика. М. 2012.

²¹ Лукиан из Самосаты (греч. Λουκιανὸς ὁ Σαμοσατεύς, лат. Lucianus Samosatensis; около 120 – 180 гг. н. э.) – греческий писатель-сатирик родом из города Самосаты (Сирия). Лукиан получил общее и риторическое образование, имел адвокатскую практику в Антиохии, много путешествовал (посетил Грецию, Италию, Галлию), изучал право в Афинах; под конец жизни получил почётную должность прокуратора в Египте.

²² Лукиан О том что не следует относиться с излишней доверчивостью к клевете. М.2005. С.788

²³ Маркс К. К критике гегелевской философии права. Введение. Маркс К., Энгельс Ф. Соч. т. 1. С.415.

Очевидно, что фраза, вырванная из контекста, имеет совсем другой смысл, который ей К. Маркс не придавал. Другой немаловажный фактор для правильного понимания, этой известной фразы К. Маркса – это то, что опиум считался в 19 веке обезболивающим лекарством, а не наркотиком.

Эта фраза из работы, написанной К. Марксом в конце 1843 – январе 1844 г., и опубликованной в журнале «Deutsch-Franzoesische Jahrbuecher» в 1844 г. Впервые зависимость от морфия как болезненное состояние была описана лишь в 1877 году германским медиком Левенштайном. Конечно же, нам об этом никто не говорил, что привело к тому, что эта неправильно понятая фраза, вырванная из контекста, создавала крайне искаженное отрицательное отношению к религии.

Пора уже признать истинное значение религии в обществе. Надо отметить, что именно религиозная свобода была родоначальницей всех «естественных прав»²⁴.

На почве признания полной религиозной свободы²⁵, отделения церкви от государства выросли американские «декларации прав» – отдельных штатов и всего союза – декларации, послужившие образцом знаменитому акту французского национального собрания²⁶ – Декларации прав человека и гражданина 1789 года. Убедительное исследование немецкого юриста Георга Еллинека в книге «Декларация прав человека и гражданина»²⁷ о корнях рождения концепции прав человека показывает, что именно стремление к религиозной свободе²⁸ стало причиной принятия Декларации штата Виргинии 1776 года, которая оказала сильнейшее воздействие на все последующие декларации прав человека²⁹.

К сожалению, эти данные не входили в перечень того, что изучали будущие юристы в СССР. Возможно для нынешнего поколения «воинствующий атеизм» уже не является основной идеологией, но те или иные отголоски этой идеологии можно найти почти в каждом из нас и в наших детях. Безусловно, эти отголоски можно легко найти не только в правосознании правоприменителей, но и в «экспертизах» религиозных текстов в так называемых экстремистских делах, которые готовятся экспертами, уже имеющим предубеждение против религии. «Экспертами» для которых уважаемый религиозный лидер, говорящий о сокроенном, всего лишь один из торговцев «опиумом для народа». «Экспертами» точно знающим, что человек смертен и что утверждение о том, что после смерти тела сам человек не умирает – всего лишь уловка религиозных проповедников. Мои коллеги из Славянского правового центра³⁰ рассказывали о том, что в их практике они сталкивались с религиозической экспертизой, сделанной паталогоанатомом...

Что же касается экспертиз по делам о признании информационных материалов экстремистскими, то не можем не отметить, что порой они являются единственными доказательствами экстремизма. Как отмечают представители экспертного

²⁴ Котляревский С.А. Конституционное государство. Опыт политико-морфологического обзора. // Конституционное государство. Юридические предпосылки русских основных законов. М. 2004. С. 69

²⁵ Международная и внутригосударственная защита прав человека. Казань. 2007. С. 39

²⁶ Там же, С. 70

²⁷ URL: http://starienigni.info/Knigi/E/Ellinek_G_Deklaracija_prav_cheloveka_i_grazhdanina_1905.pdf (дата обращения 24.02.2013)

²⁸ Елинек Г. Декларация прав человека и гражданина. Одесса. 2006 (репринт издания 1906 года). С.48-58, 60

²⁹ Там же, С.74

³⁰ Старейшая в России организация, профессионально занимающаяся защитой в области свободы совести и вероисповеданий.

сообщества: «...непонимание у судебно-следственных работников вызывают отнюдь не материалы экспертизы, то есть не проверяемые на экстремизм высказывания. Объектом их непонимания является экстремистское законодательство, по которому они должны оценивать событие преступления и, в том числе, некоторые тексты. Иными словами, законодательные акты об экстремизме написаны настолько невнятно, что исполнительные органы, суд и следствие, просто не способны их осознанно применить»³¹. Смирнов А. А. далее пишет: «поэтому они, не стесняясь, перекалывают эту задачу на экспертов-лингвистов. Вначале они вместо вопросов к экспертизе присылали экспертам полный текст закона об экстремизме, со временем стали ограничиваться отдельными его фрагментами, на первый взгляд относящимися к речевой деятельности...»³².

Не можем не согласиться со Смирновым А. А., что неясность и противоречивость законодательства приводит к тому, что для квалификации деяния как экстремистского суду недостаточно здравого смысла и общего знания (освобождающего от доказывания) как в советские времена³³. А эксперты, которых суд привлекает как бы для разъяснения непонятного, не имеют права квалифицировать деяние, но, тем не менее, фактически делают это, поскольку кроме них больше никому. Вредное явление экспертократии в данном случае логично переходит в абсурд.

Любой процессуалист знает, что экспертиза необходима для выявления фактов, однако в экспертизах по делам о признании информационных материалов экстремистскими мы чаще всего не находим никаких фактов. В большинстве случаев в экспертизах по данному роду дел мы видим лишь субъективное мнение «эксперта».

К сожалению, не всегда удается допросить в процессе «экспертов», но в тех случаях, когда в судебных процессах удается допросить «экспертов» выясняются удивительные факты.

Так в ходе рассмотрения дела о признании экстремистской книги Бхавагат-Гита суд решил допросить «экспертов», подписавших заключение, легшее в основу заявления прокурора. Одной из причин допроса экспертов было то, что в экспертном заключении были приведены цитаты, вообще отсутствующие и в комментариях, и в оригинальных текстах Бхавагад-гиты.

В результате судебного допроса было выяснено, что один из подписавших заключение «экспертов» С. Аванесов не проводил самого исследования, а только организовал его, а сам анализ проводили Валерий Свистунов и Валерий Наумов³⁴. Допрошенный судом Валерий Свистунов сообщил, что Аванесов предложил ему сделать философское исследование, а не судебную экспертизу, что задачи перед ним были поставлены нечетко, что раньше эту книгу он не читал, а при составлении заключения пользовался информацией с антисектантских сайтов, что его исследование – это его субъективное мнение... Третий «эксперт» – Наумов заявил, что проводил просто исследование, а не судебную экспертизу. Наумов признался, что не знал о том, кто были заказчиками работы, и что «книгу и лист с вопросами (не на блан-

³¹ Смирнов А.А. Заметки о лингвистической экспертизе 2 (экстремизм и утрата искренности) URL: <http://www.textology.ru/article.aspx?aId=229> (дата обращения 14.10.2012).

³² Там же.

³³ Подробнее см. Султанов А. Р. Защита свободы совести, распространения убеждений через призму постановлений Европейского Суда по правам человека. М. 2013.

³⁴ Ученые не смогли доказать наличие экстремизма в «Бхавагад-гите как она есть» // Globalsib.com. – 19 августа 2011. URL: <http://globalsib.com/11485/> (дата обращения 28.02.2013).

ке, без подписей или печатей) передал ему лаборант кафедры». Наумов утверждал, что при проведении экспертизы применял «компонентный анализ», при котором контекст не учитывается, а текст раскладывается на минимальные семантические единицы — то есть смысл слов объясняется просто по словарям». Когда же, представители защиты указали суду на тот факт, что данный метод не является общепризнанным, то Наумов с этим согласился... Судья при допросе указала Наумову на ряд мест в его экспертном заключении, где приводимые цитаты отсутствовали на указанных им же страницах в книге³⁵.

В данном судебном процессе допрос «экспертов» показал несостоятельность, представленного прокурором заключения. На наш взгляд, эксперты должны оказывать помощь в выявлении объективной истины, а не высказывать «субъективное мнение», доказывая, не научную обоснованность своих выводов, а лишь то, что у него есть право «на субъективное мнение».

Другая проблема заключается в том, что принцип привлечения к публично-правовой ответственности, заключающийся в толковании всех неустранимых сомнений в пользу обвиняемого, почему то не применяется при признании информационных материалов экстремистскими.

В п. 21. Цензурного Устава³⁶, принятого в начале 19 века, цензор был связан необходимостью исходить из добросовестности автора при наличии различных толкований цензурируемого текста «...Цензура, в запрещении печатания, или пропуска книг и сочинений, руководствуется благоразумным снисхождением, удаляясь всякого пристрастного толкования сочинений или мест в оных, которые по каким-либо мнимым причинам кажутся подлежащими запрещению. Когда место, подверженное сомнению, имеет двоякий смысл, в таком случае лучше истолковать оное выгоднейшим для сочинителя образом, нежели его преследовать»³⁷.

В настоящее время, спустя два века правоохранительные органы ориентируют на поиск скрытых смыслов: «В соответствии с «Методическими рекомендациями «Об использовании специальных познаний по делам и материалам о возбуждении национальной, расовой или религиозной вражды», утвержденными Заместителем Генерального прокурора РФ М.Б. Катышевым 29.06.99 года № 27-19-99, если идеи автора выражены прямо, а не завуалировано, содержательный анализ текстов может быть проведен без специальных познаний (методов)»³⁸. Этот подход предполагает скорей презумпцию виновности, нежели презумпцию добросовестности.

³⁵ Дело Бхагавад-Гиты // Запрещенное искусство. 2011. URL : http://artprotest.org/index.php?option=com_content&view=article&id=2838&chtoto=2011-&catid=4&2011-03-04-14-58-14=&Itemid=4&ordering=2=4 (дата обращения 28.02.2013)

³⁶ Устав о Цензуре 1804 г.// Русская журналистика в документах: История надзора/ сост. О.Д. Минаева под ред. Б.И. Есина и Я.Н. Засурского М.2003. URL: <http://site.mediascope.ru/?q=node/61> (дата обращения 20.06.2012); Устав о Цензуре 1804 года можно найти в «Законодательство императора Александра I. 1801-1811 годы» (составитель и автор вступительной статьи В.А. Томсинов). М. 2011 г.

³⁷ Надо отметить, что данное положение было сохранено также и в третьем цензурном Уставе 1828 года.

³⁸ Официально не опубликовано, цитируется по тексту экспертизы в URL: <http://www.ansar.ru/analytics/2012/06/18/31073> (дата обращения 24.06.2012). Пределы ограничения свободы слова средствами уголовного права: проблемы законодательной конструкции статьи 282 УК РФ (С.М. Оленников, «Адвокат», N 2, февраль 2010 г.)

Впрочем, мы не будем идеализировать цензуру 19 века. Свободы распространения убеждений в царской России не было больше. Литература духовного содержания подлежала рассмотрению комитетами внутренней духовной цензуры на основании особых и притом более строгих правил, чем постановления о светской цензуре – «Запрещению ее подлежат не только сочинения, прямо противные началам христианства, догматам его, основаниям государственного устройства и т. д., но она не одобряет к напечатанию «сочинения большие или малые, с большими недостатками в основательности мыслей, чистоте христианских чувств, доброте слога, ясности и правильности изложения».

К рассмотрению духовной цензуры³⁹ подлежали книги собственно духовного содержания и сочинения, относящиеся к нравственности, но заключающие в себе места духовного содержания⁴⁰.

Претензии духовной цензуры были велики, духовная цензура постоянно пыталась расширить свою компетенцию, получить еще больше прав запрещать. Широко известен факт, когда митрополит Филарет пожаловался Бенкендорфу на «оскорбляющие святыню» слова из «Евгения Онегина»: «...и стаи галок на крестах». Цензор, которого призвали по этому поводу к ответу, сказал, что галки, как ему известно, действительно садятся на кресты московских церквей и что, по его мнению, виноват здесь больше всего московский полицеймейстер, допускающий это, а не поэт и цензор.

Менее известен факт, когда подготовленный митрополитом Филаретом «Христианский катихизис»⁴¹ Православных католических восточных греко-российских церквей⁴² и опубликованный с одобрения Синода в 1823 г., был через год запрещен. Катихизис Филарета сочли вредной книгой, в частности, из-за того, что в его первоначальной редакции цитаты из Священного Писания приводились по-русски. Катихизис был переработан и переиздан в 1827 г., но через десять лет снова был уличен в недостатке уважения к религиозному преданию и вновь «незыблемый» текст был переписан снова и опубликован в новой редакции в 1839 г.

Если духовной цензурой запрещалась литература, одобренная Синодом то, пожалуй, не нужно прилагать особых усилий, что представить, что происходило с другой религиозной литературой – она нещадно запрещалась.

В настоящее время, признание религиозной литературы экстремистской также происходит более активно, нежели другой литературы. Так, например, заместитель генерального прокурора РФ, рассматривая проблему экстремизма, пришел к выводу, что «религиозный экстремизм имеет догматическую основу, поскольку каждая религия стремится утвердить собственный абсолютный и всеобъемлющий характер и ложность других ре-

³⁹ См. подробнее о духовной цензуре уникальное исследование Котович А.Н. Духовная цензура в России. (1799 – 1855). СПб, 1909. URL: <http://nasledie.enip.ras.ru/ras/view/publication/browser.html?clear=true&perspective=popup&id=43107941> (дата обращения 22.06.2012); Кизеветтер А. Духовная цензура в России. (Ал. Котович: «Духовная цензура в России 1799 – 1855 гг.»). СПб., 1909 г.) URL: <http://relig-library.pstu.ru/catalog/706/book-706.pdf> (дата обращения 22.06.2012).

⁴⁰ Градовский А.Д. Начала русского государственного права. Тома I. СПб. 1875 г.

⁴¹ Катихизис, катихизис (из лат. catechēsis от др.-греч. *κατήχησις* – поучение, наставление ← *κατήχῃν* – внушать, отвечать = *kátō* – вниз + *ἦχος* – звук) – официальный вероисповедный документ какой-либо конфессии, огласительное наставление, книга, содержащая основные положения вероучения, часто изложенные в виде вопросов и ответов.

⁴² «Христианский катихизис Православных католических восточных греко-российских церквей». СПб. 1823.

лигиозных учений»⁴³. Выполняя поручения прокуратуры «экспертам» оставалось лишь угодить⁴⁴ и найти в религиозном тексте хоть, что-то похожее на утверждение, что данное вероучение является истинно верным, а другие верования ошибочными, и текст в итоге становился в заключении экстремистским. В дальнейшем такое утверждение легко переходило из заключения в текст судебного решения, где суд не смущался тем, что эксперт фактически пытался дать правовую оценку религиозному тексту. Легимизация заключения «экспертов» в судебном решении, как правило, происходит без ее оценки самим судом⁴⁵ лишь путем указания на то, что «эксперты» ознакомлены с уголовной ответственностью за дачу ложных заключений и поэтому нет оснований им не доверять...⁴⁶

К сожалению, в этот момент суды не замечают, что они вмешиваются в религиозную свободу и нарушают требования ст. 9 Конвенции о защите прав человека и основных свобод.

В Постановлении по делу «Религиозная община Свидетелей Иеговы в г. Москве против Российской Федерации» (Жалоба № 302/02) от 10 июня 2010 года ЕСПЧ, специально напомнил о своей уже сформировавшейся судебной практике о том, что в соответствии со статьей 9 Европейской конвенции свобода мысли, совести и религии является одной из основ «демократического общества» по смыслу Европейской конвенции. Именно этот ее религиозный параметр является одним из наиболее важных элементов, из которых складывается личность верующих и их мировоззрение, но это же является и ценнейшим достоянием для атеистов, агностиков, скептиков и безразличных. На нем основывается плюрализм, неотделимый от демократического общества и завоеванный дорогой ценой на протяжении веков (см. п. 114 Постановления Европейского суда по делу «Церковь Бессарабской Митрополии и другие против Молдовы» (Metropolitan Church of Bessarabia and Others v. Moldova) по жалобе № 45701/99, ECHR 2001-XII). Религиозная свобода, будучи прежде всего делом совести каждого отдельного человека, предусматривает, *inter alia*⁴⁷, свободу «исповедовать [свою] религию» индивидуально, частным порядком или сообща с другими, публичным порядком или в кругу верующих. Поскольку религиозные общины традиционно существуют в виде организованных структур, необходимо толковать статью 9 Европейской Конвенции в свете статьи 11 Европейской Конвенции, которая предусматривает гарантии против необоснованного вмешательства государства в деятельность объединений. С учетом этого право верующих на свободу религии, включающее в себя право исповедовать свою религию сообща с другими, дает основания ожидать, что верующим будет разрешено свободно вступать в объединения без произвольного вмешательства государства. Действительно, независимое существование религиозных сообществ — неотъемлемое условие плюрализма в демократическом обществе и, соответственно, ключевой объект защиты, гаран-

⁴³ Забарчук Е. Л. Религиозный экстремизм как одна из угроз безопасности российской государственности // Журнал российского права. 2008. № 6. С. 3-10.

⁴⁴ Для осведомления о подобных «экспертах» существует целый сайт: <http://falseexperts.info/>

⁴⁵ Что, конечно же, является грубым процессуальным нарушением, но вышестоящие судебные на данное нарушение смотрят, как правило, сквозь пальцы.

⁴⁶ Ершов Ю.Л. Реванш мракобесия. Антиэкстремистское законодательство наносит очередной удар. Право и жизнь. № 11. ноябрь 2012 г. URL: <http://www.law-n-life.ru/arch/173/173-2.PDF> (дата обращения 01.03.2013); Ершов Ю.Л. Лысенковщина: теперь и в праве. Новая адвокатская газета. № 19. октябрь 2012 г. URL: <http://www.echo.msk.ru/blog/yyuurryy/943981-echo/> (дата обращения 01.03.2013)

⁴⁷ *inter alia* (лат.) — между прочим, в числе других.

тированной статьей 9 Европейской Конвенции. В соответствии с судебной практикой Европейского Суда по правам человека, обязанность государства по сохранению нейтралитета и беспристрастности несовместима с любыми из его полномочий по оценке легитимности религиозных убеждений (см. п. п. 118 и 123 вышеуказанного Постановления Европейского суда по делу «Церковь Бессарабской Митрополии [и другие против Молдовы]» (Metropolitan Church of Bessarabia [and Others v. Moldova]); и п. 62 Постановления Большой палаты Европейского суда по делу «Хасан и Чауш против Болгарии» (Hasan and Chaush v. Bulgaria [GC]) по жалобе № 30985/96, ECHR 2000-XI)⁴⁸.

Насколько такие подходы приемлемы для России?

В начале 19 века профессор Императорского лицея А.П. Куницын писал, что свобода исповедовать религию основана на праве свободно мыслить и действовать: «Достоинство и святость религии состоит в том, что она способствует людям в преуспевании нравственности и поддерживает оную. Меру сего содействия только сам человек определить может, ибо убеждение в истине не зависит от произвола; только исследование доводов, утверждающих или опровергающих наше мнение, состоит в нашей воле. Посему любое гонение за религию есть противозаконное насилие... Кто может присвоить себе исключительное право необманчивости и поставить и поставить свои мнения непреложным законом для прочих?»⁴⁹

Нам кажется, что подходы профессора А.П. Куницына очень похожи на подходы ЕСПЧ. Не зря великий российский поэт А.С. Пушкин писал: «Куницыну дань сердца и вина! Он создал нас, он воспитал наш пламень. Поставлен им краеугольный камень, им чистая лампада вожжена».

И подходы ЕСПЧ и подходы А.П. Куницына направлены на уважение религиозных верований. Как писал великий философ 20 века: *«Терпимость — это краеугольный камень, на котором держатся отношения между людьми. Когда мы видим массовые убийства и страдания, к которым приводила религиозная нетерпимость на протяжении всей истории человечества (в том числе и в наши дни), мы понимаем, что нетерпимость является очень серьёзной помехой для выживания. Веротерпимость не означает, что человек не может открыто выразить собственные религиозные взгляды. Она означает, что не следует стремиться подорвать верования других или нападать на них: это всегда очень быстро становилось причиной бед и неприятностей. Со времён Древней Греции философы спорили друг с другом о природе Бога, человека и вселенной. Мнения авторитетов в этом вопросе изменяются то в одну, то в другую сторону. В данный момент очень модны «механистическая теория»⁵⁰*

⁴⁸ Султанов А. Р. Европейские правовые стандарты, уроки истории и правоприменительная практика. М. 2012. С. 76.

⁴⁹ Куницын А. П. Право естественное. СПб. 1818. С.65-66 URL: <http://www.twirpx.com/file/882525/> (дата обращения 01.03.2013)

⁵⁰ Механистическая теория: теория, согласно которой жизнь представляет собой лишь движущуюся материю и абсолютно всё можно объяснить с точки зрения физических законов. Эту теорию выдвинули Левкипп и Демокрит (460–370 года до н.э.), которые, возможно, позаимствовали её из древнеегипетской мифологии. Сторонники этой философии считали, что им следует пренебречь религией, поскольку они не могли выразить её принципы с помощью математики. Они подвергались нападкам со стороны религиозных деятелей и, в свою очередь, нападали на них. Роберт Бойль (1627–1691), один из авторов закона Бойля-Мариотта в физике, опровергал механистическую теорию вопросом о том, не была ли материя в движении кем-то задумана.

и «материализм»⁵¹, которые восходят к временам Древнего Египта и Древней Греции: они стремятся доказать, что всё материально, но при этом упускают из виду, что, как бы складно ни выглядело их учение об эволюции, оно всё же не исключает воздействия дополнительных сил, которые могут просто использовать эволюционный процесс в своих целях. Сегодня же эти теории являются «официальными» и даже изучаются в школах. У них есть свои фанатичные приверженцы, которые нападают на убеждения и религиозные верования других, что может приводить к нетерпимости и раздорам.

Если уж начиная с V века до нашей эры (или даже более раннего времени) лучшие умы человечества спорили и не могли прийти к соглашению по поводу религии или атеизма, то можно понять, что от этого поля битвы между людьми лучше держаться подальше.

В этом море раздора родилась одна умная мысль: человек имеет право сам выбирать, во что ему верить.

«Вера» и «верование» не обязательно подчиняются логике: их даже нельзя назвать нелогичными. Они могут быть чем-то очень далёким от логики.

Самый безопасный совет, который тут можно дать, сводится к тому, что каждый имеет право придерживаться той веры, которую он выбрал. Человек абсолютно волен проповедовать свою веру, стремясь к тому, чтобы её приняли другие. Однако он подвергает себя опасности, нападая на религиозные верования других и тем более пытаясь причинить им вред за их убеждения.

Начиная с самого возникновения человеческого рода люди всегда находили утешение и радость в религии. Даже сегодня представители механистического и материалистического направлений очень напоминают священнослужителей древности, когда занимаются распространением своих догм.

Люди, не имеющие веры, вызывают глубокое сожаление. Им можно даже предложить что-то, во что они могли бы поверить. Но если у них есть религиозные убеждения, их следует уважать⁵².

Полагаем, что Россия больше всего нуждается в экспертах, как создавать терпимость и толерантность, поскольку лишь при наличии их возможно безконфликтное выживание в обществе.

⁵¹ Материализм: любая из метафизических теорий, которые рассматривают вселенную как нечто состоящее из очень больших или очень маленьких твёрдых объектов, таких как камни. Объясняя такие явления, как разум, они утверждают, что эти явления могут быть сведены к физическим объектам или их движению. Материализм — это очень древняя идея. Существуют и другие идеи.

⁵² Хаббард Л. Рон Дорога к счастью. М. 2012. URL: <http://ru.thewaytohappiness.org/thewaytohappiness/precepts/respect-the-religious-beliefs-of-others.html> (дата обращения 01.03.2013)

*А.И. Петренко,
эксперт-психолог,
кандидат психологических наук, доцент*

К вопросу об экспертных исследованиях материалов, содержащих признаки экстремизма

На сегодняшний день, по нашему мнению, сложилась непростая ситуация с исследованием признаков экстремизма в материалах, которые предоставляются членам экспертного сообщества. Читая некоторые «экспертные Заключения», невольно задаешься вопросом «А был ли мальчик?». Качество некоторых заключений оставляет желать лучшего, формируя при этом твердую убежденность в некомпетентности и недобросовестности авторов подобных перлов.

Неоднократное рецензирование подобных произведений позволяет, хотя и с определенной долей условности, но все же классифицировать те недочеты в экспертных Заключениях, которые сводят на нет выводы их авторов и не могут приниматься судами в качестве достоверных и качественных экспертных исследований:

- Довольно часто мы сталкиваемся с весьма поверхностными исследованиями, либо с декларированием того, что некое исследование было проведено, хотя из текста этого не видно.
- Это, в свою очередь, нередко приводит к перенасыщению текста Заключения совершенно не нужной информацией, которой придается некое наукообразие, и которая увеличивает объем Заключения до «солидных» размеров.
- Нередко наблюдается игнорирование необходимости соблюдения установленных правил и процедур проведения исследования, коим и является экспертиза.
- Зачастую выводы экспертов не имеют четкой научной доказательности и не вытекают из того, что представлено такими авторами в качестве результатов их работы.
- И уж совсем угнетает наличие в текстах некоторых Заключений орфографических, стилистических и даже смысловых ошибок.

Приведем некоторые примеры.

Так авторы одного из Заключений практически исключили в своих умозаключениях ссылки на то, на основании каких конкретно примененных ими научных методах, проверенных на валидность и надежность они приходят к декларируемому выводу.

Зато используют довольно распространенный в грязных PR-технологиях прием – «наклеивание ярлыков». Так без каких-либо обоснований они утверждают, что «...в информационно-политическом программном продукте под кодовым названием **«ИГРЫ БОГОВ»** негативного человеконенавистнического учения в форме САТАНИЗМА со всеми вытекающими последствиями – тотальным уничтожением прав человека без гражданства и самосознания, в том числе сущностного права на жизнь; дезинформации и формирования негативного представления вплоть до разжигания враждебности, ненависти к концепции жизнедеятельности человека в исторический период от рождения Христа до настоящего времени, СОЗИДАЮЩЕЙ из зверя ЧЕЛОВЕКА – к ХРИСТИАНСТВУ».

Кроме жесткого и недопустимого для документа, именуемого Заключением, эмоционального пафоса, в данной интенции нет никаких аргументов и научных обоснований.

Совершенно непонятно на основании каких примененных авторами Заключения методов они сделали вывод о том, что исследуемый ими материал является «...информационно-политическим программным продуктом...». На основании каких криптографических методов сделан вывод о том, что исследуемый материал имеет некое «кодовое название». С помощью какой процедуры и совокупностью научных методов авторы пришли к выводу о том, что исследуемый ими материал имеет направленность «человеконенавистнического учения в форме САТАНИЗМА со всеми вытекающими последствиями – тотальным уничтожением прав человека без гражданства и самосознания, в том числе сущностного права на жизнь; дезинформации и формирования негативного представления вплоть до разжигания враждебности, ненависти к концепции жизнедеятельности человека в исторический период от рождества Христова до настоящего времени, СОЗИДАЮЩЕЙ из зверя ЧЕЛОВЕКА – к ХРИСТИАНСТВУ?»

Пафоса много, а науки нет!

В том же заключении авторы заявляют: «Проведенное комплексное исследование... установило признаки идеологически заданной программы переустройства мира, которая несет угрозу современному человечеству, его культуре, самоидентификационным возможностям человека в выборе веры, национальности, гражданства, законодательно закрепленным правам и свободам человека и по сути основной концепции является человеконенавистнической.» (нами сохранена пунктуация и стилистика авторов Заключения).

Здесь вновь полностью игнорируются требования к Заключению – научно обосновывать любые выводы. Авторы не утруждают себя описанием того, что же они имеют в виду под «комплексным исследованием». Из каких методов научного анализа состоит этот комплекс, какая была использована процедура исследования остается на совести авторов заключения.

Последний абзац данного Заключения полностью отражает весь его текст. Особого внимания заслуживает конец абзаца: «... **Культ Сатаны является человеконенавистническим, его суть – ложь, направленная на уничтожение человечества как ЧЕЛОВЕКА-творца, превращение человека в животное, ЗВЕРЯ. Ввиду данного основания на все поставленные перед экспертом вопросы дается единый утвердительный ответ «Да», не требующий отдельно останавливаться на несущественных деталях, уводящих внимание суда от главного обстоятельства, установленного экспертом**» (нами сохранена пунктуация, стилистика и выделения, сделанные авторами Заключения).

Совершенно не оспаривая тезис авторов о сущности культа сатаны, считаем, что его нельзя признать научным обоснованием сделанного вывода. Такую формулировку обоснования сделанных выводов можно было бы понять, если бы данное Заключение готовилось судом святой инквизиции.

В другом заключении мы вновь сталкиваемся с путаницей в понятийном аппарате, игнорированием необходимости указывать какие конкретно методы и как использовались при проведении экспертного исследования:

Так, автор Заключения заявляет: «...При этом Тор не формирует враждебного отношения к кавказцам и гастребайтерам, а лишь констатирует наличие такого враждебного отношения, тем самым подкрепляя враждебное отношение к кавказцам и гастребайтерам у лиц, обладающими такими установками».

Из данного текста совершенно непонятно что же делает Тор – формирует, подкрепляет или констатирует враждебное отношение. В чем принципиальное различие этих понятий? Автор также не дает своей интерпретации таких понятий как «установка» и «отношение», что вносит путаницу в восприятие таких информационных перлов.

Далее этот же автор указывает на то, что «... в выступлении Крылова К. имеются скрытые побуждения к действиям, направленным против кавказцев...», но не раскрывает

своей трактовки термина «*скрытое воздействие*» и умалчивает какими психологическими методами он выявил наличие этого самого «*скрытого воздействия*».

И тут же еще одна интенция автора Заключения – «*Крылов побуждает аудиторию к следующим неконкретизированным действиям (выделено нами) в отношении кавказцев...*».

Автор вводит совершенно новое понятие в психологии, и неясно, что же он имеет в виду под «*неконкретизированным действиями*».

Еще один пример как можно жонглировать терминологией, придавая ей видимость наукообразия:

В одном Заключении автор пытается доказать, что в представленном на экспертизу материале использовано «... *изображение свастики, сходной с нацистской символикой и атрибутикой сходной до степени смешения ...*».

Правда автор оставил за скобками то, каким образом ему удалось определить это самое сходство, да еще до степени смешения – остается загадкой.

Далее автор начинает задействовать один из законов Паркинсона, делая следующее заявление: «...*Восприятие изображения свастики в этих книгах будет испытывать действие особенностей целостности и осмысленности относительно изданий в целом и их жанрового характера*».

Так и хочется спросить автора: «*Так символика оказывает воздействие на восприятие или только будет это делать? Если все же будет, то при каких условиях и каким конкретно образом?*». Требуется также уточнения и то, на основании каких проведенных автором Заключения исследований он делает утверждение о том, что «...особенности целостности и осмысленности относительно изданий в целом и их жанрового характера» каким-то образом влияют на особенности восприятия символики.

Вывод №2 этого Заключения содержит в себе формулировку: «*В подсознаниях читателя атрибутика или символика, содержащаяся в изданиях, может ассоциироваться с нацистской атрибутикой или символикой, используемой войсками фашистской Германии в Великой Отечественной войне 1941-1945 годов, в случае восприятия их изображения вне жанрового контекста самих изданий*».

Из данного утверждения может следовать вполне определенный вывод, что если читатели будут воспринимать символику исключительно в жанровом контексте (то есть, просто читая эти книги), то никакого негативного воздействия на их подсознание оказываться не будет.

В еще одном из Заключений, по которому нам пришлось делать рецензию, мы столкнулись с вершиной безапелляционности и умозрительности формулировок:

Так рассуждая об искренности речевого поведения, авторы делают следующую интенцию: «... *Однако если автор текста знает, что «рунические» знаки – простая перекодировка букв кириллического алфавита, то он неискренен в своем речевом поведении Данное речевое поведение не соответствует намерению «просвещать», а соответствует намерению «вводить в заблуждение». При этом отметим, что третьи лица могут воспринимать этот текст как просветительский...*».

К сожалению, данный вывод ничем, кроме неких «формул» не аргументирован:

Во-первых, откуда авторам Заключения стало известно, что автор текстов, представленных на экспертизу «...*знает, что «рунические» знаки – простая перекодировка букв кириллического алфавита...*»? В результате применения каких методов получена данная информация?

Во-вторых, какими методами авторы Заключения исследовали степень неискренности?

В-третьих, непонятно также и то, на основании какого комплекса методов получено основание утверждать, что «...*Данное речевое поведение не соответствует намерению «просвещать»?*»

В-четвертых, также отсутствует хоть какая-то научно обоснованная аргументация вывода о том, *«Данное речевое поведение ... соответствует намерению «вводить в заблуждение».*

И, наконец, в-пятых, каковы основания утверждать и на какой выборке проверялся вывод о том, что *«...третьи лица могут воспринимать этот текст как просветительский...»?*

Авторы данного Заключения в своих рассуждениях допускают внутренние противоречия и с самими собой:

«Из предлагаемых текстов может быть реконструирована система норм в целом не являющаяся нормами морали вообще и морально-этическими принципами мировых религий в частности».

«Рекомендуемый к исполнению комплекс норм схож по своему содержанию с аналогичными, содержащимися в мировых религиях, но не являются моральными нормами религии. Он представляет собой компиляцию широко известных морально-этических и правовых норм. В предлагаемых нормах обнаруживаются слова, смысловые сочетания, известные формулировки, которые можно соотнести со священными текстами и моральными кодексами мировых религий индуизма, христианства, иудаизма ислама, восточных культов, философских учений о морали и конституционных принципов многих государств мира (принцип свободы совести). Однако данный комплекс норм содержит множество дополнений «кроме» и «если», что лишает его морально-этического содержания».

Предложенная система норм имеет следующие особенности, не позволяющие их считать морально-этическими нормами религии. (Нами оставлена пунктуация и орфография авторов Заключения)

– Мораль, особенно религиозная императивна... В представленном комплексе норм имеются многочисленные оговорки «кроме», которые обесмысливает установленные заповеди и лишает их императивности. Таким образом, многие из представленных тезисов не являются морально-этическими нормами».

То авторы находят в анализируемых текстах какие-то системы норм, то заявляют, что они нормами по сути не являются. То это нормы, то тезисы. А лишает выявленные нормы их морально-этического содержания наличие неких оговорок типа «если» и «кроме». Данная интенция не только запутана по смыслу, но и к стыду авторов – филологов и психологов, содержит орфографические и синтаксические ошибки!

Далее мы вновь сталкиваемся с умозрительными, а, к сожалению, не научно обоснованными интенциями авторов Заключения: *«...В текстах заповедей присутствуют постоянные сбивки, нарушение пространственно-временных, нравственных и социальных законов, что ставит человека перед невозможностью понять данные поведенческие нормы и объяснить их в рамках логики».*

Непонятно что авторы имеют в виду под «сбивками», в чем конкретно нарушаются *«...пространственно-временные, нравственные и социальные законы...».*

Какими сводами законов пространственно-временных, нравственных и социальных руководствовались авторы Заключения и какие конкретно их нормы были нарушены? Утверждение авторов Заключения о том, что *«...постоянные сбивки, нарушение пространственно-временных, нравственных и социальных законов, что ставит человека перед невозможностью понять данные поведенческие нормы и объяснить их в рамках логики»* предполагает, что вывод о том, что кому-то что-то в текстах непонятно должен базироваться, как минимум, на результатах проведения фокус-группового метода исследования. Поскольку ссылок ни на указанный нами метод, ни на хоть какие-то дру-

гие в тексте Заключения нет, данную интенцию автором можно с полным основанием признать умозрительной и бездоказательной.

Умиляют своей непосредственностью выводы авторов данного Заключения:

Вывод №1. «Эпические тексты в изданиях были созданы для того, чтобы третьи лица воспринимали их как сакральные, древние, при этом создатель текстов знает, что тексты не являются древними и сакральными.

Речевое намерение автора текстов соответствует намерению «вводить в заблуждение». При этом отметим, что третьи лица могут воспринимать тексты комментариев как просветительские».

В тексте Заключения полностью отсутствует хоть какое-то упоминание о процедуре исследования и конкретных методах, с помощью которых авторам удалось установить то, о чем они пишут. Каким образом авторы Заключения исследовали мотивационную сторону автора текстов, представленных им на экспертизу так и осталось загадкой!

Вывод №4. «Представленные на экспертизу книжные издания содержат изображение свастических символов (свастики)...сходной с символикой нацистской Германии 1933-1945 г.г. до степени смешения».

Если бы авторы Заключения побывали в буддистских храмах таких стран как Китай, Вьетнам, Корея, Таиланд и т.д., они бы заметили огромное количество свастических символов (свастики), сходной с символикой нацистской Германии 1933-1945 г.г. до степени смешения. К сожалению, авторы Заключения так и не указали в каком контексте автор анализируемых ими текстов представлял свастические символы.

Вывод №6. «В текстах присутствует негативная оценка иудаизма и христианства, в текстах присутствуют призывы, которые побуждают к враждебным действиям относительно конкретной группы лиц. Вероятно, это и (или) христиане, иудаисты, евреи».

Авторы Заключения свято выполнили завет древней мудрости – «Конец – делу венец»! Вновь подарили нам пример полного отсутствия логики в их рассуждениях. Особенно впечатляет концовка вывода! Так вероятно или нет?

Ну и, конечно, нельзя не обратить внимание на использование авторами Заключения такого термина – сленга как «иудаисты». Это вообще то про что? В работе, претендующей на некое научное исследование употребление сленга, который, к тому же, многими адептами иудаизма воспринимается негативно, по крайней мере неуместно.

Можно было бы еще достаточно долго приводить примеры, подобные выше указанным. Настораживает одно весьма неприятное обстоятельство – на основании таких вот «Заключений» суды принимают решения о признании материалов экстремистскими!

Мы за то, чтобы в России Закон действовал и защищал интересы наших граждан. Но мы категорически против того, чтобы горе-эксперты решали судьбу людей. Если в любом материале, представленном на экспертное исследование, действительно содержатся признаки экстремизма – это должно быть доказано с соблюдением всех требований к процедуре и методам проведения исследования.

В. В. Обрежа,
*председатель Московского
Общественного Совета Гражданского
общества, доктор юридических наук*

Правовая и политическая оценка «экстремистской деятельности»

Закон о противодействии экстремистской деятельности и практика его исполнения подрывают Российскую государственность.

Пришедшие к власти, после государственного переворота в 1991 году, либералы, начали слом всех систем жизнеустройства и жизнеобеспечения советского проекта и внедрение, чуждой менталитету русского и других коренных народов России, либеральной идеологии и практики организации жизни, что вызвало сопротивление со стороны патриотического движения. Для противодействия этим силам, вновь, как это было не раз в истории, власть обращается к использованию права, закона и государственной правоохранительной системы.

Понятие «экстремизм» выдернули из закрытых материалов, разработок в системе Комитета Госбезопасности СССР. Там он рассматривался как доприступное антиобщественное деяние. Многие оперативные подразделения, были нацелены на предупреждение и профилактику экстремистской деятельности через СМИ, лекции, беседы в трудовых коллективах и учебных заявлениях.

Экстремизм искусственно трансформируется в одно из опаснейших антигосударственных преступлений. Из него выхолащивается политическая и идеологическая природа. По своему духу, объективной и субъективной стороне, санкциям его наделили признаками статей 70, 72, 190* УК РСФСР.

Поскольку все содеянное либералами-реформаторами после 1991 года можно считать криминально-либеральной революцией, то для «защиты» её завоеваний снова ничего лучшего не нашли, чем «экстремизм», теперь уже негласно наделив его и признаками особо ненавистной либералами контрреволюционной 58 статьи сталинского периода.

Отсюда, вся система действий правоохранительных органов и Судов вокруг так называемой «экстремистской деятельности» осуществляется очень упрощённо, жестко и бескомпромиссно, без глубинного анализа субъективной и объективной стороны правонарушений, в то же время корёжа и ломая судьбы множества особенно, молодых людей. При этом характеризуется примитивной системой доказательств, отсутствием выяснения мотивов и т.п. Культивируется отношение к данной категории граждан как к особо опасным государственным преступникам.

Личный состав ФСБ, Следственного комитета и МВД Российской Федерации, который работает на данном направлении, очень аполитичен и слабо подготовлен. Многие сотрудники подчеркивают, что они вне политики. Отношение ко всему формальное. Статья 282 УК РФ позволяет некоторым недобросовестным стражам закона прикрывать свою бездеятельность и получать поощрения.

Этот состав преступления сделали гильотиной, дубиной, бьющей от имени государства и власти по голове активной части общества и народа, особенно русского.

Под видом противодействия экстремизму комуфлируется идеологическая и политическая борьба в обществе между сторонниками и противниками либеральных реформ в России.

Закон «О противодействии экстремистской деятельности» в части предупредительно-профилактических мер не выполняется, Гражданское общество в этом вообще не задействовано.

Судя по качеству экспертиз, по опубликованным материалам, публичным выступлениям и действиям отдельных граждан, якобы имеющим признаки экстремистской деятельности, можно сделать выводы, что это экспертное сообщество политически безграмотно, не разбирается в сути политических и социальных процессов. Как может лингвист или психолог делать умозаключения по какому-то политическому контексту, в котором не разбирается? Поэтому ими вырываются из текста лишь отдельные фразы, смысл которых трактуется искажённо, ошибочно и не адекватно. Всё книжное издание, выступление и т.п. после этого объявляются экстремистскими, несмотря на то, что они пронизаны озабоченностью за возрождение страны и поддерживают политику Президента России В.В. Путина.

Как могут следователи и другие сотрудники правоохранительной системы, так упрощённо цеплять ярлыки экстремизма и определять мотивацию того или иного экстремистского деяния? Таким образом, руками полчищ борцов с экстремизмом совершаются противоправные действия против народа, общества от имени и под прикрытием государства, разрушая Российскую государственность.

Все участники «бурной деятельности» по противодействию экстремизму в силу своего уровня подготовки не видят и не хотят видеть, что некоторые положения того или иного материала, книги или статьи в газете использованы в своих выступлениях даже Президентом России, зачастую озвучивались в СМИ. Подобная небрежность и предвзятость осуществляется и в действиях Прокуратур и Судов на территории страны. Покажем это на примере Искового заявления в Александровский городской Суд из Александровской Прокуратуры по книге «Программа объединённых патриотических сил «Будущая Россия», опубликованной под редакцией Обрежа В.В. в 2012 году.

Так, в Заявлении Прокуратуры Александровского района Владимирской области за подписью младшего советника юстиции Р. В. Костина в Александровский городской Суд от 9 сентября 2015 года за № 6-3-2015 о признании книжного издания Программы объединённых патриотических сил «Будущая Россия» допускаются необоснованные ложные, не соответствующие действительности утверждения, которые оскорбляют честь гражданина, подрывают правоохранительную систему, суды, государственность и национальную безопасность России.

В частности, полностью сфальсифицированными, не точными, зачастую ложными являются следующие положения вышеуказанного Заявления:

1. Тезис о том, что В.В. Обрежа является автором данной книги свидетельствует о непонимании сотрудниками Прокуратуры принципа или технологии подготовки таких книжных изданий (сборников статей), о их нежелании ознакомиться даже с оглавлением обсуждаемой книги. Так, в написании статей этого сборника материалов участвовало 52 автора, представители 38 Общественно-политических организаций. Обрежа В.В. является автором и соавтором лишь трёх статей и Введения. Форма издания «под редакцией» указывает на то, что Обрежа В.В. является лишь составителем данного сборника, скомпонованного из 78 отдельных материалов и приписывать ему авторство всей книги – это нарушение прав других граждан – реальных авторов разделов этого коллективного труда.

При формировании таких сложных книг редактор – составитель, за редким исключением, не имеет права делать научную и литературную редакционную обработку и кор-

рекцию авторских материалов без разрешения авторов. Кроме того, некоторые из них являются учёными, докторами наук, академиками, общественными деятелями, возможно, с более высоким уровнем компетенции в своих темах, чем составитель сборника.

Всё это является не просто ошибкой, а недопустимым правонарушением со стороны прокуратуры. Исковое Заявление в суд должно было быть направлено в адрес всех членов авторского коллектива (52 автора), с последующей дифференциацией — в чьи же конкретных материалах содержится экстремистские высказывания?

Таким образом, нарушаются права уже многих граждан — авторов быть представленными в качестве ответчиков в суде и защищать там свои интересы. Обреже В.В. доверенность быть их представителем в суде ни один из авторов не давал.

2. Вторым грубейшим нарушением Александровской прокуратуры является то, что на страницах 2 и 3 Заявления утверждается якобы факт «массового, в количестве 500 экземпляров, распространения Обрежей В.В. в г. Александрове Владимирской области и в г. Москве данного книжного издания, способного возбудить вражду и ненависть к китайцам, выходцам из Закавказья, представителям секс-меньшинств, азиатских стран СНГ, нацменьшинствам, евреям, мусульманам, власти, чиновникам, олигархам...». Редактор — составитель якобы «публично, безвозмездно раздавал эту книгу, желая возбудить у читателей негативное отношение к вышеперечисленным социальным, национальным и религиозным группам...».

В действительности же произошло следующее: поскольку книга была заказана в Александровской типографии на деньги, собранные авторским коллективом, то она и была роздана по 15-20 экземпляров каждому автору, как собственнику своей доли от общего тиража — 999 экземпляров.

Кроме того, на каком всё же основании Обреже В.В. инкриминируется «массовое распространение» данного как бы вредоносного издания (даже если бы факт распространения имел место), на тот период времени, поскольку тогда ещё никто не признал это издание в соответствии с законом — экстремистским и не выдвигал подобного обвинения?

Три экземпляра книги из имевшихся у Обрежи В.В. были направлены: Президенту Российской Федерации В.В. Путину, в Государственную Думу и в Совет Федерации. С тех пор в речах Президента неоднократно звучала информация, весьма созвучная с материалами рассматриваемой книги, например, о ювенальной юстиции, «полуоккупации» и попытках контроля над процессами в России со стороны стран североатлантического альянса и другие. Лично направлялся один экземпляр депутату Госдумы, лидеру Национально-освободительного движения России Е.А. Фёдорову. Книга была рассмотрена и поддержана во фракциях КПРФ и ЛДПР, в Совете Федерации. По поручению заместителя Председателя Совета Федерации В. Штырова, в связи с ознакомлением с материалами этого издания, в качестве экспертов для доработки проекта Программы развития Дальнего Востока и Забайкалья в начале 2013 года были приглашены 12 авторов из вышеуказанного авторского коллектива. Первоначальный проект данной Программы был признан нуждающимся в доработке по указанию Президента Российской Федерации Путина В.В., рекомендовавшего привлечь к участию в этом проекте представителей Гражданского общества.

Отдельные материалы рассматриваемой книги легли в основу в том числе по национальной, миграционной, молодёжной, культурной и экологической политике при подготовке, совместно с главой Александровского района и мэром г. Александрова Владимирской области, с участием ряда местных депутатов, проекта экспериментальной Программы социально-экономического и гуманитарно-культурного развития Александровского района в 2013-2014 годах.

На данной информационной базе разрабатывалась также Концепция Общественно-Государственного партнёрства между структурами Гражданского общества и орга-

нами государственной власти на территориях, оформленная в виде книги: «Общественно-Государственное Партнёрство – цивилизационный путь спасения и возрождения России (М. 2014г.). Всё это направлялось в аппарат Губернатора Владимирской области С.Ю. Орловой, Президенту России В.В. Путину и в иные Инстанции. Имеются положительные отзывы.

3. Недостаточно обоснованными, предвзятыми и сфальсифицированными являются использованные в вышеуказанном Заявлении прокуратуры (стр.3) отдельные выдержки из комплексной судебной психолого-лингвистической экспертизы №231/26.1 от 31.03.2014 г. по данной книге, о имеющихся высказываниях, якобы «враждебного и агрессивного характера» по отношению к иммигрантам, выходцам из республик Закавказья, нацменьшинствам, ...к власти, чиновникам, олигархам, президенту. Здесь стоит задать вопрос прокуратуре – о каком президенте идёт речь? Об Эрдогане, Порошенко или Обаме?

В книге же, наоборот, подчёркивается поддержка объединёнными общественными силами российской государственности, вектора власти, Президента РФ В.В. Путина в целях недопущения в стране «цветной» революции по типу тех, которые происходили на Украине, некоторых республиках постсоветского пространства и других странах.

Обратимся в связи с этими обвинениями во «враждебном и агрессивном характере» высказываний в книге к пункту 7 Постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 28 июня 2011 года, где отмечается, что «под действиями, направленными на возбуждение ненависти либо вражды следует понимать, в частности, высказывания, обосновывающие и (или) утверждающие необходимость геноцида, массовых репрессий, депортаций, совершения иных противоправных действий, в том числе, применения насилия в отношении представителей какой-либо нации, расы, приверженцев той или иной религии и других групп лиц...». Ничего подобного в данной книге нет и не могло быть, поэтому эксперты не имели оснований и права делать такие выводы! Кто и на каком основании позволил им предопределять решение Суда, фактически формируя правовую норму?

Из контекста политологического документа, которым является данное книжное издание, вырваны отдельные фразы и словосочетания на которые навешивается ярлык экстремизма. Фактически угрозе изъятия из общенародного использования подвергнут серьёзный просветительский, формирующий общественное патриотическое сознание, документ.

Далее, в материалах рассматриваемого сборника нет высказываний «об исключительности, превосходстве русских и неполноценности иммигрантов». Однако, там есть постановка вопроса о национальной идентификации русских через внесение поправок в установленном порядке в Конституцию РФ. Дело в том, что в отличие от русских, все без исключения иммигранты имеют национальную идентификацию, поскольку Конституции их Республик это предусматривают. В Конституции РФ такой идентификации по отношению к русскому государствообразующему народу – нет! Это вносит неравноправие и ущемляет права русских. Исследование этого вопроса в книге вызвало неадекватную оценку экспертов. Однако, речь идёт не об отставании привилегий или превосходства русских, как это неправильно сформулировано экспертами, а о восстановлении их в правах, что полностью соответствует основополагающей статье нашей Конституции о равенстве прав. В ней продекларировано, что все народы России имеют равные права. Вышеназванного права нет только у русских. Во всех даже национальных субъектах Российской Федерации национальная идентификация идёт через Преамбулу и другие положения Конституции, названия республик и т.д. Например, в Преамбуле Конституции Республики Татарстан указано: «Настоящая Конституция, выражая волю многонационального народа Республики Татарстан и татарского народа...»

4. В целом, в экспертных оценках, на которые опирается Александровская прокуратура, политические воззрения учёных, публицистов, общественно-политических

деятели преподносятся как экстремистские, что можно рассматривать как давление с помощью судебных органов на представителей определённых политических взглядов. Признать экстремистской Программу объединённых патриотических сил «Будущая Россия» – это всё равно, что признать экстремистской внутреннюю политику РФ последних двух лет и курс действующего Президента России В. В. Путина по восстановлению и возрождению страны, т.к. многое из того, что было написано в Программе начинает планомерно воплощаться в жизнь. Сегодня известно, что обновлено миграционное законодательство, запрещена пропаганда толерантного отношения к секс-меньшинствам в школах, приостановлены поставки ГМО – продукции из сельскохозяйственных производств, есть ограничения в действиях ювенальной юстиции и т.д. За всё это авторы и боролись в упомянутой книге.

Таким образом, всё происходящее в сфере борьбы с экстремизмом можно назвать политическим и правовым безумием, творящимся в стране и подрывающим её национальную безопасность. Это чётко проиллюстрировано в процитированном Исковом заявлении Александровской прокуратуры в Александровский городской Суд.

Некоторые выводы и предложения:

- Сформулировать понятие «экстремизма», отражающее сущность и содержание данного явления.

- Признать, что по своей природе экстремистская деятельность носит политический характер, а следовательно, система мер противодействия должна также иметь, политический, законодательно-правовой, идеологический и информационный характер, а не уголовно-правовой. Либо надо признать, что у нас есть преследование по политическим мотивам, узники совести.

- По своему характеру экстремистская деятельность возводится в ранг государственного преступления, посягающего на Конституционный строй. Однако, не учитывается, что государство лишь форма, оболочка существования социума в котором сосуществуют три основных равнозначных элемента: власть, общество и народ. На каком основании властный вектор социума присваивает себе право гнобить народ?

- С помощью государства и его соответствующих органов либеральная власть наносит удар по народу, в основном русскому и его авангардной активной части – обществу, которые занимаются правозащитной деятельностью по восстановлению своего естественного права на национальную идентификацию. Проблема борьбы с экстремистской деятельностью решается в значительной мере через внесение поправок в Конституцию РФ о признании русского государствообразующего народа. Российская Конституция является основным фактором, инспирирующим экстремистские проявления.

- Некие высказывания, упоминания в книгах, статьях, публичных выступлениях, какие-то экспрессивные реакции в адрес мигрантов, евреев, сексуальных меньшинств необходимо рассматривать как следствие вышеуказанной причины.

- Политический и идеологический характер данного правонарушения обязывает правоохранительную систему и суды шире использовать предупредительно-профилактические меры, вести разъяснительную работу среди населения с целью недопущения экстремистского поведения граждан.

- Скорректировать Концепцию национальной и миграционной политики, внести изменения в некоторые антиобщественные и антинародные законы, поскольку вместе с Конституцией РФ, они, также побуждают людей совершать экстремистские действия.

- Навести порядок в торговле, особенно мелкой, значительная часть которой носит криминальный характер (реализуя так называемые серые схемы) и находится в боль-

шинстве случаев в руках нерусского населения, также вызывая протест у многих граждан (вспомним события в Бирюлёво).

– Сделать ревизию и придать гласности законность массового обретения гражданства России, жилья, объектов собственности на её территории представителями республик СНГ, что тоже в течение 20 с лишним лет либеральных реформ является раздражителем для многих русских людей. Особенно, если учесть, что получение гражданства многими русскими переселенцами затягивалось на многие и многие годы.

– Считать недавнее признание Ведических книг в Омском Суде экстремистскими абсурдным, позорным для России. Клеймо экстремизма навешивается на культурные и исторические святыни русского народа. Это форма геноцида против него.

– Для изменения практики деятельности правоохранительных органов на данном направлении, от имени юридического сообщества и Гражданского общества, обратиться к Президенту РФ В. В. Путину ускорить подготовку и начать проведение Стратегической антилиберальной реформы в сфере правоохранительной деятельности и Судов в России. В частности:

- декриминализировать и изменить санкции ряда статей УК РФ, в том числе, по экстремистской деятельности, перенацелить правоохранительные органы на более эффективную защиту государства и общества от посягательств прозападной внесистемной оппозиции, открыто подрывающей Россию; Вот здесь статей и Закона о борьбе с экстремистской деятельностью явно не достаточно. Их применение неадекватно характеру совершаемых антигосударственных преступлений. Возможно, надо вернуться к разработкам в Комитете Государственной Безопасности СССР вопроса о массовых беспорядках;

- привлечь Институты формирующегося Гражданского общества в рамках Общественно-Государственного партнёрства для поддержания порядка и защиты страны;

- изменить практику формирования экспертных групп, привлекая не просто отдельных специалистов учебных, научных и иных учреждений, а и экспертов Гражданского общества, также являющихся профильными специалистами в тех или иных областях, разработать методику их работы. Прекратить практику, когда эксперты вместо Суда отвечают на вопрос, есть ли в том или ином материале или действиях человека экстремизм;

- повысить уровень подготовки и переподготовки личного состава правоохранительных органов и Судов, участвующих в противодействии экстремистской деятельности. Запретить практику особого производства в Судах, проведения таких судов в отсутствие ответчика. Отказаться от элементов западной модели организации судебных заседаний в российских Судах;

В целом, монстр под названием «экстремизм» и организация его пресечения, вобрав в себя несколько оперативных и судебно-репрессивных практик, зачастую в искажённом, суррогатном виде, работают не во благо, а на подрыв страны.

Это также свидетельствует о полной деградации либеральной юридической науки. Современные Суды при установлении фактов экстремизма, вместо состязательного процесса, позволяющего сторонам отстаивать свои интересы, превратились в избивание, казнь несчастных жертв, позволивших себе высказать возражения против антинародного либерального проекта. Тысячи запрещённых книг и материалов, при отсутствии оправдательных приговоров за последние несколько лет по делам об экстремизме свидетельствуют о том, что либеральная юрисдикция отбросила как ненужные свои собственные принципы защиты прав и основных свобод человека, не говоря уже о демократии. В тоже время, действие прозападной внесистемной оппозиции не имеет адекватного правового противодействия. Так кому служит эта юрисдикция? И не пора ли навести здесь порядок?

Ю. Л. Ершов,
адвокат, АБ «Славянский правовой центр»,
кандидат юридических наук

Экспертные заключения по делам об экстремизме

Экстремизм для законодательства, имеющего применение в России, изначально был довольно разумно определен в Шанхайской конвенции о борьбе с терроризмом, сепаратизмом и экстремизмом от 15 июня 2001 г. (ратифицирована Россией в 2003 г.) как «какое-либо деяние, направленное на насильственный захват власти или насильственное удержание власти, а также на насильственное изменение конституционного строя государства, а равно насильственное посягательство на общественную безопасность, в том числе организация в вышеуказанных целях незаконных вооруженных формирований или участие в них».

Однако довольно быстро он трансформировался в повод для борьбы с кем угодно. Сначала был принят Федеральный закон «О противодействии экстремистской деятельности», где к разряду экстремистских действий были отнесены «призывы», то есть слова, обращение к другим. Так называемые «hatespeech»⁵³. В 2007 году в него были внесены принципиальные поправки, исключившие из дефиниции экстремизма важный признак – их обязательной связи с насилием (то есть ранее не любые «призывы», а лишь такие, которые призывают к насильственным действиям по признаку языка, расы, национальности и т.д., рассматривались как проявление экстремизма). Экстремизмом стали призывы, возбуждающие социальную вражду, обосновывающие или оправдывающие превосходство или неполноценность по признаку языка, национальности, пола, расы и т.д.... Поправки открыли широчайшую дорогу злоупотреблениям и преследованиям по всевозможным поводам, подчас довольно диким.

Общий знаменатель этой «борьбы с экстремизмом» – чье-то отличие от «основной линии». В политике ли, в религии ли, в публицистике... неважно где. Отличие дает возможность сделать противопоставление («мы – другие») и обвинить в возбуждении социальной, национальной или религиозной розни.

В общеупотребительном понимании экстремизм означает «приверженность крайним взглядам и убеждениям». Российские правоведы и законодатели так интерпретировали эту «приверженность», что теперь ее можно приписать практически любому, также, как и поставить психиатрический диагноз. И если для расправы с инакомыслящими в советское время нужен был такой диагноз, то сейчас его сменило обвинение в возбуждении социальной розни, а чинят расправу теперь зачастую не работники психбольниц, а «экстремизмоведы» – теоретики и практики от экстремизма.

Немало за прошедшее время было сказано о том, что «возбуждение социальной розни» – настолько «резиновое», неопределенное понятие, что под него подпадает все что угодно. Понятия «социальной группы» (объекта атаки в виде «возбуждения роз-

⁵³ На русский это выражение иногда переводят как «язык ненависти».

ни») нет ни в законе, ни в судебной практике. Но истина «на нет и суда нет» здесь не работает. Даже напротив, это оказалось удобным в том смысле, что преследование проходит следующим простым образом: назначается экспертиза, и если она усматривает соответствующие признаки, вопрос закрыт – есть состав правонарушения.

Такая борьба с экстремизмом идет в двух основных сферах: в уголовной – как преследование по ст. 282 УК РФ и ряду подобных составов, и в административно-гражданской – как запрет «информационных материалов», признанных экстремистскими. Странный термин «административно-гражданская» выбран из-за довольно неопределенной отраслевой принадлежности в процессуальном законодательстве этого института, а также последствиями, имеющими не только административный, но и гражданско-правовой характер.

Два эти направления могут друг друга удачно подпитывать: уголовное преследование индивидуально, оно действует точно, против отдельных людей, но, чтобы его начать может быть удобно сначала признать материалы экстремистскими. Запрет «информационных материалов» глобален и может относиться к целому религиозному учению, например. Но он также может дать старт тому, чтобы начать преследовать по стране тех, у кого они имеются, чтобы «нарубить галок» по ст. 282 УК РФ.

Можно увидеть в этом общие черты, присущие борьбе с инакомыслием. Как при помещении инакомыслящих советского времени в психушки, так и для расправы над ними в наши бурные дни – в обоих случаях нужно заключение экспертизы. Именно оно дает следователю или судье тот необходимый материал, из которого затем развивается процесс. Диссидентов обслуживали своими заключениями психиатры. Нынешних инакомыслящих – авторы экспертных заключений по наличию признаков экстремизма. И как раз благодаря неопределенности понятия и признаков экстремизма им есть, где разгуляться.

В книге «Фабрика безумия» американский психиатр Томас Сас показал, что роль, которую в 20 веке приняла на себя психиатрия, ранее играла священная инквизиция. Эта роль состоит в удалении из общества несогласных и инакомыслящих. Сейчас эстафета явно у борцов с экстремизмом.

Причем важно, чтобы не было никаких объективных критериев, которые могли бы поколебать обвинение в ереси или душевной болезни. Их и не было: ни у «ведьмы», ни у идущего в «дурдом» по разнарядке КГБ диссидента не было шансов опровергнуть фабрику обвинения именно по причине того, что нет ни анализов, ни тестов – ничего сколько-нибудь объективного, к чему можно было бы апеллировать с точки зрения здравого смысла. Иначе каждый смог бы доказать невиновность. Но это в планы охотников на ведьм во все времена не входит. Сейчас это проводят в жизнь эксперты, ищущие в текстах экстремизм. И то, как это происходит – чистая лысенковщина.

Кто проводит такие экспертизы?

На самом деле, практически кто угодно. Печальную известность, к примеру, получило заведение, называемое Институт культурологии, выполнявшее довольно шокирующие экспертные исследования на тему экстремизма и усматривая его, к примеру, во фразах типа «убей в себе раба». При этом люди, которые проводят в этом учреждении по обращениям правоохранительных органов экспертные заключения, не обладают должной квалификацией: один из них учитель математики, другой – психолог. Тогда как, согласно разъяснениям Верховного Суда РФ в Постановлении Пленума от 29.06.2011 г., категории, связанные с призывами к осуществлению экстремистской деятельности, входят в компетенцию лингвиста. Но и выход этого постановления ничего не изменил. Экспертизы пишут кем угодно: переводчиками с испанского языка,

психологами, и даже – корреспондентами (по заказу прокуратуры г. Новый Уренгой заключение о наличии экстремистских призывов ей давала корреспондент газеты «Правда Севера»). Еще один пример – обладатель несуществующей научной специальности «психолингвистика».

Как проводятся такие экспертизы?

Это другая боль. Они проводятся как Бог на душу положит. Точнее – не Бог, а кто-то диаметрально противоположный. Тот же «легендарный» Институт культурологии применяет программу ЭВМ, которая выдает анализ, сколько раз в тексте то или иное слово встречается. И это обращается в вывод о наличии экстремизма. Известен и пример того, как один из сотрудников этого института усмотрел «профнепригодность» автора текста по его почерку, причем исследуемый текст был печатный.

То, что из контекста выдергиваются отдельные фразы и предложения – это уже классика жанра.

Есть и такой прекрасный способ, как написание экспертиз «оптом» по нескольким текстам сразу. То есть когда экспертам направляют 5-10-20 разных книг, и среди прочих вопросов задают такой: «являются ли эти книги единым комплексом (идеологическим, пропагандистским...)?». Думаю, мало кто удивится, что да, все эти книги оказываются, по мнению экспертов, именно «единым комплексом», после чего достаточно вырвать из контекста какую-то фразу в одной книге, и признать экстремистскими все. Они ведь – «единый комплекс».

Невзирая на требование полноты экспертного исследования, которое содержится в ФЗ «О государственной судебно-экспертной деятельности», нередко можно встретить такие экспертизы, где исследуются 20-30 наименований, но хоть какое-то упоминание на страницах исследовательской части можно найти, например, применительно к 1/4 всего объема.

Никакой общей методики, как должны проводиться соответствующие экспертные исследования, не соблюдается, эксперты «творят» экстремизм, кто во что горазд. По принципу «я художник – я так вижу». Хотя к настоящему моменту вышла изданная Санкт-Петербургским государственным университетом издание С.А. Кузнецова и С.А. Олейникова «Экспертные исследования по делам о признании информационных материалов экстремистскими: теоретические основания и практическое руководство», которое может быть рекомендовано именно как единая, общая методика, которая бы могла привести к какому-то общему знаменателю все, что творится в сфере экспертиз об экстремизме.

Более важным вопросом является вопрос реформирования всего законодательства о противодействии экстремизму, которое на данный момент работает абсолютно непредсказуемо, по сути дела идя на поводу экспертиз: суд в подавляющем большинстве случаев принимает именно такое решение, которое предлагают эксперты. Это объясняется простой формулой: «у суда нет оснований сомневаться в выводах экспертов», или «суд доверяет экспертному заключению». В особо продвинутых случаях это подкрепляется ссылкой на то, что «эксперты предупреждены об уголовной ответственности за дачу заведомо ложного заключения».

При этом даже прямой подлог, который обнаруживался в таких заключениях не единожды (например, автору просто приписывают то, чего нет в его тексте, и на этом строят выводы об экстремизме), не становится поводом для возбуждения уголовного дела за дачу заведомо ложного заключения. Если дело в суде еще идет – отказывают в возбуждении уголовного дела, так как оценку «должен быть суд». Если дело уже завершилось – «суд дал оценку заключению и не усмотрел подлога». Замкнутый круг, который должен быть разорван.

*А. М. Верховский,
аналитик, директор
Информационно-аналитического
центра «Сова»*

Пояснительная записка о возможных и необходимых изменениях в сфере антиэкстремистского законодательства

Когда об антиэкстремистском законодательстве и его применении говорят «государственные люди», они говорят преимущественно о серьезных преступлениях – терроризме, убийствах, заговорах и т.д., о деятельности, направленной на совершение таких преступлений, о необходимости систематической работы по их расследованию и профилактике. При этом правоприменение по многим менее существенным правонарушениям, в том числе по публичным высказываниям, рассматривается именно как профилактика тяжких преступлений. Другие же люди видят в том же законодательстве в первую очередь инструмент произвольного ограничения гражданских свобод и инструмент политического манипулирования.

Правы и те, и другие: авторитарный политический режим противостоит перечисленным тяжким преступлениям, используя жесткие средства, в том числе создав весьма обширное комплексное антиэкстремистское законодательство, пригодное равно и для самой этой задачи, и для много другого. Ниже будет вкратце показано, почему и как, но важно иметь в виду, что в основе этого законодательства лежат достаточно общепринятые в демократических странах правовые подходы, хотя есть и весьма сомнительные новеллы.

Что такое антиэкстремистское законодательство? Это набор норм в УК, КоАП, законах об объединениях, о СМИ и т.д., ряд связанных с ними новых законов, не говоря уж о инструкциях разного рода, а также – рамочный закон «О противодействии экстремистской деятельности», основным содержанием которого является определение экстремизма. По сути все эти нормы охватывают следующие виды деяний: терроризм, попытки мятежа, обычные преступления, совершенные по мотиву ненависти к той или иной группе (включая насилие и вандализм), содействие всему перечисленному, публичные призывы ко всему перечисленному, публичные высказывания, возбуждающие ненависть, вражду или рознь (эти термины не различаются де-факто и не имеют ясного для юристов определения) по отношению к тем или иным группам, а также организационную деятельность, направленную на все перечисленное.

Надо иметь в виду, что некоторые виды этих деяний криминальны абсолютно везде (терроризм, мятеж и т.п.), некоторые криминализованы почти во всех демократических странах, а некоторые – только в некоторых из них. В частности, преступления по мотиву ненависти (hate crimes) рассматриваются законом в США и почти везде в Европе как более тяжкие, ровно как и у нас. Публичные призывы к таким преступлениям, к терроризму, а также возбуждение ненависти (в разных формулировках) криминализованы везде в Европе (кроме Ватикана), но не в США, где это невозможно из-за Первой Поправки. Участие в сообществах, которые у нас назвали бы экстремистскими, криминализовано как таковое в меньшинстве демократических стран, но это не редкость – в 13 из стран ЕС.

Что действительно выделяет Россию (и несколько стран СНГ, более или менее скопировавших у нее законы), так это две вещи. Первая – наличие рамочного законодательства как такового и определение экстремизма в законе (в Германии или Чехии, например, это – учетная категория полиции, в законе этот термин определяется только в Словакии). Вторая – наличие механизма запрета книг, фильмов и иных «информационных материалов» с последующей мягкой криминализацией (в рамках КоАП) их массового распространения (судебные запреты возможны и в большинстве демократических стран, но они всегда ситуативны и не образуют систему).

Наконец, следует иметь в виду, что целый ряд норм международного права прав человека, ратифицированных Россией, обязывает ее криминализовать расистскую (в широком смысле, как это принято считать на Западе) деятельность, запрещать расистские организации, криминализовать «возбуждение ненависти» (incitement to hatred). К сожалению, международное право и все комментарии на него не проясняют в полной мере последний термин. Доминирует представление, что речь должна идти скорее о призывах к насилию, депортациям и т.п., но, может быть, и не только к ним. Точно так же интерпретирует это понятие (применительно к ст. 282 УК) ВС РФ (в постановлении 2011 года). То есть криминализация «возбуждения ненависти» остается обязательством, но не очень четким. Знаменитая формулировка ЕСПЧ, что ограничения свободы выражения могут быть правомерны, но должны быть «предусмотрены законом и необходимы в демократическом обществе», дает ясный ориентир, но не более того. Венецианская комиссия Совета Европы рекомендовала России изменить или уточнить ряд положений антиэкстремистского законодательства, но не рекомендовала его отменить вовсе.

Следует, таким образом, признать, что вопрос не должен ставиться об «отмене антиэкстремистского законодательства», так как многие его элементы являются вполне общепринятыми в демократических обществах. Отменять или изменять можно отдельные, в том числе структурные, элементы этого законодательства.

Итак, что следует считать наиболее спорным (обходя более или менее консенсусные моменты типа криминализации подготовки мятежа):

1. Должно ли существовать в законе понятие hate crimes? Противники считают, что мотив преступника не может быть отягчающим обстоятельством. Сторонники справедливо указывают, что некоторые другие мотивы уже таковыми являются. Преступления на основе предвзятости имеют ряд более тяжелых последствий и потому должны наказываться строже.

2. Должна ли существовать криминализация участия в группе, совершающей какие-то подобные преступления или запрещенной ранее за них? Противники считают, что членство само по себе не может быть виной, что такие нормы отражают принцип коллективной ответственности, что могут пострадать наивные люди, по ошибке вступившие в группировку. Сторонники, в том числе в 13 странах ЕС, считают, что есть виды преступной деятельности, которые столь опасны, что само участие в группировке уже криминально, что является общепринятым по отношению к особо тяжким преступлениям (как в ст. 210 УК РФ). И нельзя считать наивностью обстоятельством, исключаящим вину. Так что вопрос скорее в том, какие еще преступления, кроме убийств и т.п., отнести к этой особой категории, предполагающей криминализацию членства.

3. Нужно ли создавать что-то вроде нашего списка экстремистских материалов? (А из его существования вытекает уже, по сути, и практика блокировок в интернете.) Сторонники уверены, что есть книги (фильмы и т.д.), опасные не менее, чем вооруженные преступники. Противники же полагают, что, во-первых, преступления порождаются людьми и социальными обстоятельствами, тексты же – лишь инструмент,

а во-вторых, что м.б. даже важнее, запреты текстов в эпоху интернета утратили всякий практический смысл, что мы и видим в российской практике.

4. Нужны ли рамочный закон и юридическое определение экстремизма? Сторонники видят в этом законе инструмент реорганизации и фокусировки работы правоохранительных органов (а м.б. и государства и общества в целом) против общественно опасной деятельности, иначе остающейся латентной (например, тех же hate crimes, волну которых удалось сбить именно благодаря созданным «центрам Э»). Кроме того, наличие рамочного закона упрощает создание связанной системы норм и ответственных за их исполнение органов. Противники считают, что тех же целей можно добиться и без такого рамочного законодательства, что хорошо видно на примере многих стран, зато попытка охватить разные угрозы общественной и государственной безопасности в одном определении с неизбежностью порождает юридическое понятие крайней степени размытости, что – даже в отсутствие злой политической воли – ведет к злоупотреблениям и случайному избирательному правоприменению. А такое правоприменение не только систематически нарушает права человека, но и контрпродуктивно в деле противодействия действительно опасным группировкам и течениям, так как ни у кого не создается представление о «красной линии», а опасные преступники приобретают имидж жертв репрессий.

5. Следует ли криминализовать публичные высказывания? И если да, то как это сделать, чтобы формулировки отвечали определенным критериям, например, требованиям и рекомендациям международного права прав человека? Аргументы сторонников полного отказа от такой криминализации хорошо известны, но только США реализуют почти полный отказ от нее. Вряд ли Россия как часть Европы может в обозримом будущем последовать примеру США. К тому же, у России, повторюсь, есть определенные обязательства в этой сфере. Так что реализация лозунга «отменить 282!» де-факто предполагала бы не только нереальную политическую реформу российского общества по образцу американского, но и выход из обязательств в рамках Совета Европы, например. Но, бесспорно, формулировки соответствующих норм могут и должны быть сформулированы более определенно. Вряд ли возможен консенсус по этим формулировкам, так как в Европе тоже существует большой разброс и национальных норм, и мнений о них. Так что разумной следует считать задачу исключения наиболее сомнительных элементов из существующих сейчас российских норм.

Коротко о правоприменении.

Оставим в стороне антитеррористическую практику, так как она де-факто регулируется другим законодательством. Можно также не спорить о явно нелепом, но, увы, соответствующем букве закона, правоприменении, например, о штрафах за изображение свастики вне зависимости от контекста. Основной массив правоприменения это – а) наказания за hate crimes, б) наказания за incitement to hatred и сходные публичные высказывания, в) наказания за членство в запрещенных за экстремизм организациях (и сами эти запреты), г) запреты «экстремистских материалов».

Практика наказаний за hate crimes в целом выглядит достаточно неплохо, если, конечно, сопоставить ее с общим правоприменительным фоном. И это правоприменение несколько лет назад действительно дало заметные плоды, но в последние годы оно сокращается, явно опережая падение уровня самих hate crimes.

Уголовное преследование за высказывания зато с каждым годом быстро ширится, так как отчетность у полиции совокупная – по «преступлениям экстремистской направленности», то есть по всем перечисленным (но дела о членстве в запрещенных группировках чаще ведет ФСБ), а дела о высказываниях сейчас расследуются куда легче, чем дела о насилии. Есть явно неправомерные приговоры с точки зрения бук-

вы закона, но их – малая часть, есть такие, которые вполне нормально смотрелись бы в любой европейской стране, но большинство – это мягкие (без лишения свободы) приговоры за незначительные расистские или исламистские выступления в интернете, которые можно было бы вовсе не расследовать.

За членство в запрещенных организациях в последние годы преследуют почти исключительно членов исламистских организаций в диапазоне от действительно связанных с вооруженным подпольем до совершенно явно не представляющих общественной опасности. Здесь процент неправомерного преследования особенно велик.

Список «экстремистских материалов» непрерывно растет, хотя давно уже можно было констатировать почти нулевую практическую функциональность (не говоря уже о правомерности) этих запретов.

Что желательно, с моей точки зрения, было бы изменить в существующем законодательстве? Я не вижу оснований считать сам закон «О противодействии экстремистской деятельности» в целом антиконституционным и противоречащим правам человека, но склонен считать, что эта новация себя не оправдала бы, даже в ситуации, когда правоприменение не было бы отягощено привычным произволом и задачами политической репрессии. Здесь возможны два варианта – умеренный и радикальный – и я не уверен, какой был бы лучше реализуем на практике.

Умеренный – резко сузить определение экстремизма, сведя его только к элементам, связанным с применением идейно мотивированного насилия и содействием или призывам к таковому, но сохранить закон в целом с учетом перечисленного ниже.

Радикальный – отменить этот закон как таковой и переформулировать нормы УК РФ и иных законов соответствующим образом (например, это предполагает возврат ст. 280 УК РФ старой диспозиции).

Но при любом варианте некоторые изменения должны быть внесены. Вот мой список:

1. Отменить механизм запрета «информационных материалов» и все связанные с ним нормы.

2. Список групповых категорий, определяющих мотив ненависти или объект возбуждения ненависти должен быть закрытым – для защиты принципа правовой определенности (хотя следует признать, что во многих демократических странах это не так). Соответственно, следует удалить понятие «социальная группа» из всех соответствующих норм.

3. Мотивы политической и идеологической ненависти как отягчающие для общеуголовных преступлений должны быть применимы только к тяжким и особо тяжким преступлениям (есть предложения отменить их вовсе, но я не согласен, т.к. нападения на политических противников – серьезнейшая проблема).

4. Статья «Хулиганство» должна быть переформулирована таким образом, чтобы исключить криминализацию неопасных деяний, совершенных по мотиву ненависти (в целом возвращена к состоянию до 2007 года).

5. Исключить упоминания СМИ и интернета из статей о публичных высказываниях, так как это не имеет уже практического смысла. Зато насущно необходимы разъяснения ВС относительно не бинарного характера понятия «публичность высказывания», особенно применительно к интернету.

6. Действия, направленные «на унижение достоинства человека либо группы лиц», должны быть исключены из состава ст. 282 УК РФ. Эти действия должны быть отнесены в сферу гражданского права.

7. В формулировке ст. 282 УК РФ надо прямо оговорить, что криминализуются только высказывания, призывающие или угрожающие совершением насилия или дискриминации в грубой форме.

8. Устранить норму ч. 1 ст. 20.29 КоАП РФ о демонстрации запрещенной символики разного рода: она порождает больше проблем, чем решает. Можно сохранить ч. 2, относящуюся к производству и распространению, но сформулировать ее уже.

9. Отменить блокировку средств на счетах лиц из «списка Росфинмониторинга» (сам список как средство мониторинга не является антиконституционным).

10. Принять согласованное решение ГП, ВС и СК о применении экспертизы в делах этого типа. Следует сделать применение экспертизы допустимым только в тех случаях, когда правоохранители могут доказать отсутствие у них необходимых специальных познаний. Именно де-факто обязательность экспертизы и, следовательно, чрезмерный спрос на нее привели к видимой деградации этого института.

11. Отменить ст. 280.1 УК РФ (о призывах к сепаратизму), так как призыв к изменению границ должен быть незаконен лишь, если он совмещен с призывом к насильственным действиям.

12. Отменить криминализацию «оскорбления чувств верующих».

13. Исключить отдельную ответственность СМИ (в т.ч. по новой ч. 6 ст. 13.15 КоАП РФ) и организаций за «экстремизм» их авторов и участников. Эти нормы могут быть заменены гражданско-правовой ответственностью в случае осуждения таких людей в рамках уголовных дел.

14. Исключить мотив ненависти как квалифицирующий признак в ст. 214 (вандализм): такие деяния могут квалифицироваться по совокупности «простого» вандализма (его также следует определить точнее) и наказания за содержание «высказывания» вандала. Нынешняя норма создает слишком противоречивую практику.

15. Отменить ст. 354.1 УК РФ об «историческом ревизионизме»: такого рода высказывания могут быть криминальны, только если их направленность соответствует составу ст. 282 УК РФ и ею покрывается.

Остается немало спорных вопросов:

1. Надо ли сохранить метод запрета организаций за определенные деяния (есть во многих демократических странах) и ответственность за нарушение этого запрета (ст. 282.2 УК РФ)? Я считаю, что надо.

2. Надо ли по-прежнему криминализовать участие в неформальной группе, направленной на совершение идеологически мотивированных преступлений, связанных с насилием (ст. 282.1 УК РФ)? Я считаю, что да.

3. Надо ли как-то сократить список групповых признаков в ст. 282 УК РФ? Я считаю, что да. Но можно его и дополнить, как и отягчающий мотив ненависти, – признаком сексуальной ориентации.

ООО «Межрегиональное бюро судебных экспертиз им. Сикорского»

121069, Москва, ул. Большая Никитская, дом 43
тел/факс: (495) 684-91-02, 684-90-93, e-mail: sav@expertsud.ru
ИНН 7702594333 КПП 770301001 ОГРН 1067746276916 ОКПО 93492421
р/с 40702810000142002924 в ПАО «БАНК УРАЛСИБ» г. Москва к/с
30101810100000000787 БИК 044525787

РЕЗОЛЮЦИЯ

научно-практической конференции

«Практика применения закона «О противодействии экстремистской деятельности»

28 января 2016 г. в конференц-зале Изборского клуба под эгидой Межрегионального бюро судебных экспертиз имени Сикорского и при поддержке Федерального агентства по делам национальностей состоялась научно-практическая конференция «Практика применения закона «О противодействии экстремистской деятельности».

В конференции приняли участие эксперты–правоведы, известные адвокаты, политики и общественные деятели: **Султанов А.Р.**, адвокат, специалист по правам человека, **Обрежа В.В.**, политолог, кандидат юридических наук; **Метелёв А.В.**, кандидат психологических наук, доцент по кафедре юридической психологии, судебный эксперт-психолог; **Найда А.А.**, практикующий юрист по делам об экстремизме; **Авдеев В.Б.**, писатель-публицист; **Борисова Е.Г.**, доктор филологических наук, профессор; **Иванов Ю.П.**, адвокат, депутат Государственной думы; **Курьянович Н.В.**, российский политик, журналист, адвокат, депутат Государственной Думы 4 созыва; **Тяжлов Ю.А.**, журналист, публицист; **Ершов Ю.Л.**, адвокат, АБ «Славянский правовой центр», кандидат юридических наук; **Верховский А.М.**, аналитик, директор ИАЦ «Сова», **Петренко А.И.**, эксперт-психолог, юрист-правовед, кандидат психологических наук; **Лукашенок Т.А.**, эксперт в сфере антикоррупционной экспертизы законотворческой деятельности.

Что побудило собраться за одним столом специалистов разных областей знаний? Что волнует научно-практическое сообщество в данной проблематике, актуальность которой ни у кого не вызывает сомнения?

С одной стороны мы видим резкий рост уголовных, административных и гражданских дел, связанных с экстремизмом, и саму несомненную опасность данного явления как для России, так и для мирового сообщества. Опасность экстремизма как такового, то есть проявления крайних взглядов, непосредственно связанных с насилием или призывами к насилию в отношении личности, общества или государства. С другой - отсутствие общедоступного для простых граждан понимания разницы между свободным изложением собственного мнения по острым вопросам, и экстремизмом. А это крайне важно. Отлично представляя и во многом поддерживая всестороннюю критику тех или иных процессов, связанных с самим Законом о противодействии экстремистской деятельности и с практикой его применения правоохранительными органами, участники настоящей конференции значительно расширили свою задачу. Изложить не критику ради критики, а выработать конструктивные предложения по совершенствованию законодательства в этой сфере, или прийти к выводу о необходимости разработки кардинально нового закона.

В ходе конференции участниками обсуждались вопросы относительно того, необходимо ли регулировать содержание публичных выступлений и как это соотносится со свободой слова? Где и каким образом отразить четкое указание на признаки экстремизма, исключающие его расширительное толкование в зависимости от субъективного восприятия правоприменителя? Где грань между гарантированным Конституцией правом каждого на свои убеждения и объективной стороной уголовно-наказуемого деяния? В чем причина повышения статистического уровня борьбы с экстремизмом и эффективны ли существующие меры реагирования? И насколько уместен в открытом доступе список экстремистских материалов на интернет-ресурсах Минюста?

Участники сошлись во мнении об отсутствии в Законе четких критериев квалификации экстремизма, экстремистской деятельности, публичной информации как экстремистской и других основных понятий Закона, что позволяет правоприменителям находить все новые признаки экстремизма; об отсутствии отграничения экстремистской деятельности от схожих с ней проявлений иной общественно-политической активности, которая не преследуется по закону, а составляет фактическую реализацию права на свободу мысли и слова, свободы выбора убеждений и вероисповедания, что приводит к сколь угодно расширительной трактовке экстремизма и неограниченному усмотрению в правоприменительной практике; о неясности порядка применения на практике специальных знаний в различных областях науки, техники, искусства, ремесла, что приводит к тому, что почти все дела данной категории разрешаются лишь на основе экспертиз, которые рассматриваются следователями, прокурорами и судами как единственно-возможное и единственно-правильное доказательство, предreshающее исход всего дела; о порочности подавляющего большинства экспертиз, которые стали обвинительным «оружием», с помощью которого экстремизм «достаётся» между строк, участниками решено выйти с предложениями к:

Государственной Думе ФС РФ:

1. *Определить в Законе характерные признаки и разграничить основные понятия «экстремизм» и «экстремистская деятельность», которые используются сейчас в статье 1 Закона в качестве синонимов, однако даже простое сопоставление содержания этих понятий показывает их несовпадение; дать однозначное определение понятия «экстремистские материалы», «пропаганда», «нацистская атрибутика и символика», «атрибутика и символика, сходная с нацистской до степени смешения» и т.п., без четкого понимания которых невозможно упорядочить квалификацию действий, высказываний и публичной информации как экстремистской, то есть как выражающих крайние, деструктивные, выходящие за рамки дозволенного, средства для достижения радикальных религиозных или политических целей.*

2. *Исключить из Закона понятие «социальная группа» как квалифицирующий признак правонарушения экстремистской направленности возбуждения розни и пропаганды превосходства по этому признаку, ввиду того, что его не существует как понятия ни в одном законе или ином нормативно-правовом акте. Не следует его вводить и здесь, так как его значение и понимание может быть настолько широко, что под него попадает все, что угодно, что не попало под другие квалификации экстремизма. Указанное явно свидетельствует о коррупциогенности Закона в этой части.*

3. *Исключить из статьи 1 Закона понятие «публичное демонстрирование», оставив квалифицирующим признаком, влекущим ответственность, только «пропаганду нацистской атрибутики или символики», что в полной мере будет соответствовать правовой позиции Роскомнадзора, выраженной 15 апреля 2015 г. о том, что термин «пропаганда» находится в сильной, приоритетной позиции по отношению к термину «публичное демонстрирование», лингвистически это означает, что само по себе публичное демонстрирование нацистской атрибутики или символики без целей*

пропаганды не является проявлением экстремизма и избавит от юридической сложности понимания нормы правоприменителями.

4. *Нормативно определить искомой порядок рассмотрения дел о признании публикуемой информации экстремистскими материалами*, обеспечив тем самым конституционное право граждан и организаций на судебную защиту путем осуществления судопроизводства на основе состязательности и равноправия сторон. Сейчас нормативно процессуальный порядок рассмотрения таких дел Законом не установлен, в связи с чем единичные случаи рассмотрения в «упрощенном» порядке особого производства становятся устойчивой тенденцией в практике судов, что нельзя признать обоснованным для данной категории дел. Исковое производство всегда предполагает ответчика, а значит, рассмотрение дела с учетом очевидно противоположной точки зрения, тогда как в особом порядке заинтересованных лиц не всегда можно установить. Кроме того, в таких делах безусловно предполагается спор о праве, так как запрещение информационных материалов всегда спор об ограничении свободы мысли и слова, свободы на распространение информации.

5. Дополнить Закон положениями об обязанности следователей, прокуроров *проводить меры по предупреждению и профилактике экстремистской деятельности* через средства массовой информации, лекции, беседы в трудовых коллективах и учебных заведениях, вести периодическую разъяснительную работу среди населения. Закрепить обязанность всех образовательных учреждений основывать свою деятельность на принципах уважительного отношения к представителям всех рас, национальностей, религий, социальных групп, ведь они являются важнейшими субъектами противодействия экстремизму. Именно здесь закладываются основы отношения человека к человеку, к окружающему его миру, формируется уважение к себе, к другим, к закону и государству. Сейчас Закон не содержит конкретных способов профилактических мер воздействия, провозглашая такую обязанность только декларативно, вскользь упоминая их в статьях 2 и 5 Закона, не поясняет приемов выявления потенциальной «группы риска», а действует по принципу реагирования, то есть догоняя, а не опережая.

6. *Статью 3.1. Закона после слов «Библия, Коран, Танах и Ганджур...» дополнить словами «...иные религиозные тексты известных религий или тексты, признанные таковыми судом, их содержание и цитаты из них не могут быть признаны экстремистскими материалами»*, что в полной мере отражало бы соблюдение конституционного принципа свободы вероисповедания, включая право исповедовать индивидуально или совместно с другими любую религию или не исповедовать никакой, свободно выбирать, иметь и распространять религиозные и иные убеждения и действовать в соответствии с ними, а также стало бы продолжением уже закрепленного признания законодателем в преамбуле Федерального закона от 26.09.1997 № 125-ФЗ «О свободе совести и о религиозных объединениях» принципа многоконфессиональности «...уважая христианство, ислам, буддизм, иудаизм и другие религии, составляющие неотъемлемую часть исторического наследия народов России...».

7. Внести изменения в статью 6 Закона *заменяя формальную процедуру направления предостережения прокурора на комплексную и структурированную работу органов прокуратуры* в целях установления в действиях лица, либо в размещаемой им информации, признаков экстремизма, например, установить более длительный срок для проведения проверки, обязать вызывать лиц для дачи объяснений, в ходе которых можно установить действительную волю лица, либо совокупность обстоятельств, предшествующих совершению конкретного правонарушения. В материалах оперативно-розыскной и следственной практики должна содержаться информация, всесторонне характеризующая личность человека, что позволило бы значительно сократить количество дел, доходящих до суда, а значит, обеспечило бы более глубокое рассмотрение все-таки дошедших и позволило бы исключить

декриминализацию деяний на стадии проверки или выявить действительно виновное противоправное деяние.

8. Внести изменения в статью 13 Закона указав, что *Федеральный список экстремистских материалов должен носить закрытый характер*, а информация, содержащаяся в нем, может быть доступна отдельным лицам только путем направления заявления в соответствующий федеральный орган с обоснованием причин необходимости ознакомления с ней. Например, для научных целей или, напротив, прикладных целей совершенствования превентивных мер предотвращения экстремистских настроений в обществе. Таким образом законодатель ограничит доступ к запрещенным материалам широкой общественности, что в полной мере будет соответствовать назначению такого списка - исключить провоцирование интереса на поиск информации экстремистской направленности и ознакомление с ней.

9. Включить в Закон нормы о порядке использования следователями, прокурорами и судами при рассмотрении данной категории дел специальных знаний в различных областях науки, техники, искусства, ремесла (о порядке назначения экспертизы), устанавливающим закрытый перечень случаев действительной необходимости применения специальных знаний; повышенную ответственность привлекаемых экспертов и надзор за их деятельностью.

10. Включить профессиональные и квалификационные требования, предъявляемые к эксперту, привлекаемому для проведения экспертизы по делам экстремистской направленности дополнительно, по отношению к ст. 13 Федерального закона от 31 мая 2001 г. № 73-ФЗ «О государственной судебно-экспертной деятельности в Российской Федерации», что позволило бы исключить участие непрофессиональных и некомпетентных лиц на всех стадиях рассмотрения дела, зачастую выдающих за выводы экспертного исследования собственные субъективные и часто предвзятые суждения.

Верховному Суду РФ как высшему органу судебной власти, который наделен полномочиями давать разъяснения судам при рассмотрении дел в области противодействия экстремизму:

1. Разработать рекомендации применения антиэкстремистского законодательства при рассмотрении гражданских дел. В настоящее время есть лишь одно постановление Пленума Верховного Суда РФ, разъясняющее нормы Уголовного кодекса РФ, касающиеся преступлений экстремистской направленности. Разъяснений при применении судами Закона о противодействии экстремистской деятельности нет, между тем с момента принятия Закона прошло 14 лет, и в Закон было внесено много изменений, в том числе существенно меняющих понимание экстремизма и экстремистской деятельности.

2. Пояснить, что рассмотрение дел в сфере антиэкстремистской направленности должно носить ситуативный, а не системный характер, что в первую очередь означает индивидуальный подход к рассмотрению каждого дела и принятие решения. В связи с чем судам следует иметь в виду, что не может быть единой (одинаковой) судебной практики по применению Закона о противодействии экстремистской деятельности.

3. Указать судам, что судебная экспертиза как доказательство в делах экстремистской направленности является исключительным источником доказательств, когда все иные доказательства сторонами собраны, представлены, свидетели заслушаны, но все-таки их совокупности не достаточно для принятия решения по делу.

4. Разъяснить судам, что специалист, эксперт может привлекаться только для толкования определенных слов, выражений, символов, атрибутов ит.д., а не для выявления их «экстремистской направленности». Вывод о том, содержатся ли признаки экстремизма либо не содержатся в конкретном материале, должен делать следователь, прокурор, суд. При этом указать, что назначение экспертизы (исследования) допустимо

только в тех случаях, когда правоохранители могут доказать отсутствие у них необходимых специальных познаний.

5. Разъяснить судам о том, что при рассмотрении дела о признании информационных материалов экстремистскими несколько отдельных книжных изданий или видеороликов или иных материалов могут быть исследованы специалистом, экспертом только в исключительных случаях, когда предварительно установлено, что они составляют единый и неразрывный информационный материал.

Профильным органам государственной власти (Следственный комитет России, Прокуратура РФ, Министерству внутренних дел РФ):

1. Разработать единые методические рекомендации по созданию научно-обоснованной методики производства комплексных видов экспертных исследований по делам экстремистской направленности.

В рамках уголовного преследования по преступлениям экстремистской направленности многими участниками отмечено, что большинство публичных выступлений, подводимых под ст. 280 и ст. 282 Уголовного кодекса РФ, могли бы рассматриваться в рамках других статей, предусматривающих меньшую ответственность. Необходимо также отграничить преступный (уголовно-наказуемый) экстремизм от непроступного, позволяющего применять к нарушителю вместо осуждения меры административно-правовой и гражданско-правовой ответственности. Целесообразно, по крайней мере, ч. 1 ст. 282 Уголовного кодекса РФ перевести из разряда уголовных преступлений в разряд административных правонарушений.

Отдельными участниками высказано мнение о невозможности исправления существующего Закона о противодействии экстремистской деятельности ввиду необходимости внесения слишком большого количества изменений и рекомендовано в связи с этим заменить его принципиально новым законом «О профилактике и противодействии экстремистской деятельности», в котором были бы учтены общепринятые в демократических странах правовые подходы, равным образом учтены интересы многонационального народа России, его самобытности, менталитета русского народа, других народов как многочисленных, так и малых коренных народов России.

В целом, участники едины во мнении, что нужно поменять направление Закона – сделать его, прежде всего, выражающим уважение и защиту национальных интересов. Подчеркивая многонациональность России декларировать через него поддержку национальной целостности, а не разобщенности, другими словами сделать его таким, чтобы всем было ясно - экстремизм в российском обществе это исключение, а не правило.

Резолюция утверждена Генеральным директором
ООО «Межрегиональное бюро судебных экспертиз им. Сикорского»
А.Г. Воронков

**ПРАКТИКА ПРИМЕНЕНИЯ ЗАКОНА
О ПРОТИВОДЕЙСТВИИ
ЭКСТРЕМИСТСКОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ**

Сборник материалов научно-практической конференции
(28 января 2016 г., Москва)

Редактор Борисова Е.Г., доктор филологических наук, профессор,
эксперт-филолог ООО «Межрегиональное бюро
судебных экспертиз им. Сикорского»

Москва, 2016

КОНТАКТЫ:

**121069, Москва, улица Большая Никитская, дом 43.
Тел.: 8 (800) 100-51-71, +7 (495) 648-91-02, 684-90-93**

e-mail: sav@expertsud.ru

www.expertsud.ru

ISBN 978-5-9908391-0-6

9 785990 839106 >